Стеклянная княжна

Автор:
Тальяна Орлова

Стеклянная княжна

Тальяна Орлова

Княжна под драконьей короной. Трилогия #1

Айса, княжна Имельская, обречена стать десятой женой отвратительного жестокого старика. Но жуткий жених дарит ей отсрочку и отправляет на учебу в Объединенный университет. Айса готова пойти на всё, чтобы избежать этого брака – даже обратиться за помощью к сильным мира сего. Вот только драконам до ее беды нет никакого дела, они не участвуют в делах Окраин. Однако судьба сталкивает имперскую элиту с маленькой княжной, когда какой-то подлец подкидывает ей украденный перстень, за воровство которого положена смертная казнь… Что это – попытка ее убить или шанс, вымоленный у богов?

Тальяна Орлова

Стеклянная княжна

Глава 1

Все восемнадцать лет своей жизни я знала, что этот день наступит. И все равно, даже вчера, он казался призрачно-далеким, каким-то необязательным и не стоящим больших переживаний. Однако когда меня привели в мраморный зал и поставили возле стены для ожидания, я ощутила, как накрывает паника. Та самая, которая все восемнадцать лет зрела внутри сердца, а теперь настала

пора ее вытащить наружу, чтобы стало еще больнее.

Пожилой герольд тоже волновался – это слышалось в дрожании его голоса, когда он зычно объявил:

– Великий князь Седьмой Окраины, Зохар Рокка!

Мой отец глубоко поклонился, то же рядом сделала и мать. Я не могла от страха пошевелиться, лишь сглотнула нервозно, хотя во рту все пересохло.

Глава Седьмой Окраины, наш сюзерен, нечасто навещает столь отдаленные княжества. Но на этот раз он явился собственной персоной – отобрать себе лучших девок для забав. Горько осознавать, но я заранее включена в этот список. Независимо от того, понравлюсь ему или нет, я все равно поеду в замок старого демона – как гарант того, что наши земли не вздумают поднять бунт. Иначе мне там приготовят такую судьбу, от которой мертвые содрогнутся.

Глашатай пропустил представление моих родителей – им уже выпадало несчастье быть знакомыми с Зохаром, но мое имя произнес с едва уловимой хрипотцой в голосе, возникшей от избытка переживаний:

– Айса, княжна Имельская! Девица восемнадцати годов отроду, здорова и девственна, готовая к исполнению своего долга перед великим князем Седьмой Окраины.

Я до последнего не хотела на него смотреть. Ведь знала, что стар. Знала, что чистокровный демон – и по этой причине обладает самым жестоким нравом. Я возненавидела его еще лет в пять, когда впервые поняла свое предназначение. Потом все более и более осознанно подходила к зеркалу, гадая о своем будущем. На мне не должно было появиться никаких увечий, иначе вся семья за это поплатилась бы, но мне всегда казалось, что я не хороша собой – и очень радовалась этому пониманию. К сожалению, я и уродиной себя назвать не могла, однако большинство моих служанок выглядели красивее и женственнее. Я унаследовала от матери довольно грубые черты лица, но мне удачно не перепала от нее изящная талия или высокая грудь. Темно-русые и не слишком густые волосы тоже не придавали мне очарования, сам этот блеклый оттенок будто делал мою кожу невзрачной. Не уродина, но и не красавица, слава богам. Но теперь я вдруг испугалась, что на извращенный вкус демона и я могу

показаться симпатичной. И тогда лучшая из судеб – стать обычной служанкой в его замке – мне не светит. Черной работой мне заниматься не приходилось, родители даже запрещали – не приведи боги, поранюсь или натру заметные мозоли, но я всю жизнь наблюдала за своими служанками и представляла себя на их месте. Стирать чужие портки и чистить канализационные дыры лучше, чем стать забавной игрушкой в постели старого мерзавца.

Зохар мне показался даже неприятнее, чем я слышала по описаниям. Он очень стар. По некоторым слухам, уже приближается к своей тысячелетней годовщине. Кровь отвела ему много столетий жизни, но старость рано или поздно приходит и к таким. Он невысок и уже сильно сутул, а большой, будто разбухший порами, нос портит и без того обезображенное морщинами лицо. Волосы пару веков назад наверняка были черными, но сейчас они остались только редкими седыми клочками вокруг лысины. Это и есть лицо моей судьбы – той, к которой я всегда готовилась и к которой невозможно приготовиться.

Свита главы Окраины осталась в приемной. Зохара в мраморный зал сопровождали всего два человека. Возможно, среди них были и демоны, но я не приглядывалась. Демонов можно отличить от людей по красному следу в воздухе, который ненадолго застывает возле глаз, когда они двигаются. Взгляд Зохара такой эффект имел – наверняка если он резко развернется, то розоватая дымка следа станет кроваво-красной и более заметной.

Тишина оглушала, она больно сжимала виски. Я очнулась, осознав причину всеобщей задержки, и поспешила присесть в реверансе.

– Я к вашим услугам, великий князь. Очень рада с вами познакомиться!

Проблеяв это, выпрямилась, но взгляда от пола больше не отрывала. Насмотрюсь еще. Если будет чем смотреть, когда он разозлится из-за моей невежливости. Старик же приблизился еще и рассматривал меня: я чувствовала липкий взгляд и даже угадывала выражение его лица – кажется, старый демон не был слишком доволен тем, что перед собой видит. Это немного успокаивало. Даже мои старшие братья на прошлой неделе меня пожалели и честно признались, что я далеко не самая красивая девица в княжестве. Разве Зохару мало по-настоящему роскошных женщин, чтобы позариться на мои кости? Не думаю, что братья врали или преувеличивали. Великий князь в эту поездку сам выбрал трех девиц по своему вкусу, а раньше за него это делали послы, проезжая по всем княжествам своей Окраины. Всех девочек и девушек собирали

на главных площадях, где их внимательно осматривали и оглашали роковой приговор – кто едет в замок Зохара в служанки или наложницы.

Конечно, мне их было жаль, ведь это еще более жестокое наказание: быть выбранной чьим-то взглядом и тем самым лишиться семьи, близких и счастья. Я же об этом дне знала всегда – и все равно не успела смириться. Но мне, в отличие от простых девок, не грозит быстрая расправа, если не придусь ко двору – ко мне, скорее всего, будут относиться чуть бережнее, чем к остальным, если сама не дам повод для злости. Это крестьянскую дочку могут по настроению привязать к столбу и издеваться всю ночь на потеху гостям, наслаждаясь ее муками. Меня же берут как заложницу, потому оставят мои мучения на крайний случай. Я еду к князю демонов только для того, чтобы он мог держать под контролем Имельское княжество. Такое условие соблюдается вот уж больше двухсот лет, и, кроме других девчонок, туда забирают всех дочерей князя.

Когда-то мои прадеды боролись за независимость, но, проигрывая, попросили защиты у Шестой Окраины, где правят зверолюды. В жилах тех тоже присутствует демонская кровь, но ее давно перемешали с человеческой – это сделало зверолюдов ужасно уродливыми внешне, но характерами они намного мягче чистокровных демонов. И мои предки справедливо рассудили, что лучше служить более лояльным и справедливым правителям, если суверенитет сохранить все равно не удастся. Однако уже через несколько лет наше княжество отбила Седьмая Окраина – и в назидание за неподчинение установило особо жестокие порядки. Казалось бы, мы наказаны за решения своих предшественников, но почему тогда все остальные княжества, присоединившиеся добровольно, несут точно такую же ношу и тоже отдают самых красивых девиц на потеху ужасным монстрам?

Зохар наконец заскрипел резким голосом по нервам, проигнорировав все приветствия в свой адрес и начав с какой-то вообще посторонней темы:

– Одна из моих жен умерла в прошлом месяце, князь, – он обратился к моему отцу.

– Примите наши соболезнования, сударь!

Демон перебил отца:

– Да срать я хотел на нее и твои соболезнования, князь. Проблема в другом. Я – глава огромного демонского рода, мне не по статусу иметь меньше десяти жен. И я возлагал большие надежды на этот визит… – он почмокал губами, размышляя. – У других вассальных князей дочери уже слишком стары, или они вообще умудрились обзавестись только сыновьями, и ваша больше других годилась мне в невесты. Какое же разочарование! Я предпочитаю или маленьких девочек, или уже распустившихся женщин со всеми прелестями, а тут ни то ни се, ни рыба ни мясо…

Я часто заморгала, у меня что-то на глаза накатило. Не слезы, а отчаянное волнение. Мне почему-то в голову такой вариант не приходил, я всегда выбирала мысленно между печальной участью служанки и еще более печальной участью наложницы. Интересно, а быть законной супругой из десяти – это хуже или лучше наложницы? Отец тоже растерялся:

– Это была бы большая честь для нашего дома, сударь…

Старик прервал его вскинутой рукой и повернулся к одному из своих людей – такому же древнему и отвратительному:

– А ты что скажешь, Милош? Не на трактирщице же мне жениться? – он скрипуче расхохотался.

Теперь ко мне вплотную подошел и второй. Но он глядел как-то иначе – без брезгливого отвращения. Возможно, в его вкус я отчасти попадала. И это вызвало еще больший страх.

– Не так уж она и уродлива, господин, – у него и голос звучал помягче. Наверное, все же младше Зохара лет на двести-триста. – И еще расцветет. Зато княжна, а не трактирщица. Для уверенности можно дать ей немного вашего духа – тогда через пару лет вы ее и не узнаете.

Я не понимала, о чем они говорят. Но великий князь тер подбородок, обдумывая предложение.

– Может, ты и прав, Милош… Списать на кухню мы ее всегда успеем. Я и не туда списывал жен, которые не оказались столь мудры, чтобы мне понравиться. Решено, князь! – он поднял и без того неприятный голос. – Называю твою дочь

своей невестой. Как там бишь ее зовут?

– Айса, сударь… Это большая честь… – отец с трудом владел голосом и будто даже побледнел от непонятных мне эмоций.

Мне была неизвестна причина родительской тревоги. Ну, стану женой, если «расцвету». Или стану служанкой, как и собиралась в лучшем случае. Или меня на два года еще оставят в родном доме?.. Я от надежды шумно задышала и искоса посмотрела на новоиспеченного жениха. Не потому ли родители так забеспокоились? Ведь если со мной за эту отсрочку что-то случится, то в княжестве никому не поздоровится. Они берегли меня всеми силами для этого дня и теперь опасаются, что такой груз так с плеч и не скинут? Но демон спустил меня с небес на землю:

– Вещи, надеюсь, уже собраны? Чтобы на рассвете выехала. Ну что, невеста, поздравляю! – Зохар поймал мой взгляд.

– Благодарю, сударь, – выдавила я.

Он снова не слушал – демон вообще все посторонние звуки воспринимал как ничего не значащий шум:

– Станешь через пару лет моей супругой, если тебе хватит ума хоть немного похорошеть. Детей у тебя не будет – незачем плодить полукровок, они часто рождаются безобразными и перекошенными зверолюдами. Но в остальном возрадуйся – будешь языком начищать не мои полы, а мои причиндалы.

От такого обещания меня перекосило. Я ничего не могла сделать с отвращением, потому опустила снова голову и почти проныла:

– Я очень счастлива, сударь.

Даже дурак уловил бы, что в моих словах нет ни капли искренности. Великий князь Седьмой Окраины точно не был дураком, но на такие мелочи внимания не обращал – вряд ли какая-то из его женщин шла на ложе добровольно, но всем им приходилось давиться слезами и повторять, как они счастливы. Быть может, ему даже нравится, когда девицы вынуждены ломать себя и преодолевать тошноту?

Вот только моя тошнота накатывала все сильнее – если желудок прямо сейчас подведет, то я не только себе приговор подпишу.

А он зачем-то вообще схватил меня за талию, потянул на себя, а потом прижал ладонь к моему животу. Внутри заметно засосало от магического воздействия, но поначалу я терпела, пока боль не стала невыносимой и не вынудила меня дернуться.

– Ну-ка стой смирно, дрянь! – приказал он, как будто когтем прошелся по барабанным перепонкам. – Я запустил в тебя чернь, чтобы она выжгла твою способность к зачатию. Для твоего же блага, дорогая невеста. Ах да, чуть не забыл, ты точно девственница? Я не могу жениться на порченой девке.

– Что вы, сударь! – воскликнул снова отец. – Айса чиста как дитя!

– Помолчал бы ты, папаша, – отрезал демон. – Будто я вас, провинциалов, плохо знаю. Иногда родители всерьез удивляются, как у их дочерей из подола внук вылезает, и все еще орут про чистоту. – Он повернулся ко второму сопровождающему. – Проверь.

И сам начал задирать мне подол платья. Я, уже вообще ничего не понимая, шарахнулась назад, попыталась вырвать ткань из его руки, но демон с размаха ударил меня по лицу и заорал:

– Стой смирно, я тебе сказал! Тебя только родили, а воспитать забыли?!

Такого позора я даже не представляла, хотя в уме успела прокрутить что угодно – даже истязания на пыточном столе. Слезы лились рекой, ногти впились в ладони. Отец резко отвернулся, мать рассеянно пялилась вперед, как будто ее происходящее вообще не касалось. Третий мужчина, чуть моложе остальных, наклонился и беспардонно направил под задранный подол пальцы. Я заорала, уже почти уверенная, что он собирается их запустить в меня, но он лишь прижал их на секунду к краю шелкового чулка, выпрямился и заверил:

– Невинна, господин. Ни один мужчина не касался ее там.

– Хорошо, знахарь, отойди теперь. – Зохар наконец-то отпустил подол. Похлопал меня по щеке, говоря чуть мягче: – С этим нытьем сделай что-нибудь, дорогая невеста, я не выношу истерик. Помогу тебе с красотой, но такая магия не безгранична. Долгое время ты будешь наливаться красками и, может, станешь немного милее. Надейся на это. Ну же, радуйся!

Я уже ничего не отвечала, меня всю трясло, но хоть боль в животе окончательно отпустила. Не смогу я так жить, не смогу, просто не выдержу подобного… А он еще и притянул меня к себе, вцепившись кривыми пальцами в подбородок, заставил наклониться, и поцеловал, выдыхая мне в рот запах затхлости. Отпустил и оттолкнул, морщась от моих содроганий. Меня же прикосновение его губ довело до тошнотных спазмов, которые я едва пыталась удержать.

Погрузившись в вязкое отчаянье, я не сразу поняла, о чем еще говорит демон:

– …в Центрине, да. Мои жены обязаны быть лучшими из лучших, потому пусть пока учится в Объединенном университете, а не сидит без дела. Ах да, любимая невеста, твоя девственность должна остаться при тебе, в обратном случае я вырежу каждого пятого в Имельском княжестве за то, что породили такую шлюху.

Я пыталась догнать смысл беседы, сообразить. Меня утром отправляют не в замок демона, а куда-то в Центрину? Там самые лучшие учебные заведения империи. Но зачем? Понятно, что жена великого князя должна быть обучена манерам, этикету, музицированию и танцам, но со мной и так занимались прекрасные учителя. Хоть меня и воспитывали как будущую заложницу, но княжной я быть не переставала, потому получила соответствующее образование. Направление разговора обнадежило. Все было лучше, чем ехать сразу к нему. Да утонуть в болоте лучше, чем к нему…

Вот только слезы я остановить не могла. Отец спешно распорядился, чтобы слуги увели меня в покои, пока я не испортила настроение дорогому гостю. В комнате мне легче не стало – наоборот, мутило все сильнее, а пережитая сцена позора не давала покоя. Я ощущала себя грязной и раздавленной. Никогда со мной не церемонились, но такого отношения княжеская дочь на себе все же не испытывала. Я чувствовала себя не просто вещью старого извращенца, а тряпкой, которой он вытирает свой морщинистый зад.

Все-таки заглянула нянька – ее, наверное, ко мне прислали. Но следом за старой Зидой вошла и мать, чему я удивилась. Вскочила на ноги в немыслимом желании обнять, получить хоть какое-то утешение. Но княгиня Имельская остановилась возле двери – холодная и равнодушная, как обычно. А я все равно зачем-то звала в нелепой попытке докричаться хотя бы на прощание:

– Мама, мам…

Она остудила мой порыв холодным тоном:

– Ты бы не ныла, Айса, а подумала, как тебе повезло. Нет, не с браком, конечно. С университетом. И скажи спасибо, что мы с отцом тебя пожалели и промолчали о том, что ты даже языкам обучена, а уж остальному, поди, получше, чем другие его супруги. Кто знает, что может случиться за то время, пока ты там?

Я тоже не знала, что может случиться за год или два. И сейчас об этом размышлять не могла:

– Мам, почему именно мне досталась такая судьба? В чем я перед богами виновата?

Она повернулась полубоком, ответила нехотя:

– Не хотела бы себе такой судьбы – родилась бы мальчиком! А теперь-то чего ныть? Хорошо, если женой великого князя станешь. Так хотя бы не пришибет в порыве злости. Может быть.

Я очень боялась, что после этого она уйдет. А ведь это конец. На рассвете – в Центрину, там – в университет, а оттуда меня уже будущий супруг заберет окончательно. Я родных уже вряд ли когда-то увижу.

– Если ты мне мать, то хоть раз в жизни обними, – попросила я жалко, поскольку испытывала потребность получить каплю тепла и поддержки прямо сейчас. Неизвестно, станет ли эта капля тепла вообще последней в моей жизни.

– Мать, – заверила она и отвернулась, желая побыстрее покинуть спальню. Но все же задержалась и добавила тише: – Тебе теперь матерью не стать, потому

никогда меня и не поймешь. Намного проще вытравить из себя любую нежность, если ребенок уже при рождении обречен. Если бы я с этой задачей не справилась, то сейчас бы с ума от ужаса сходила и рыдала бы рядом. Всегда проще думать, что ты вообще не рождалась, чем с этим жить. Поплачь вдоволь, Айса, здесь тебе это хотя бы не запрещают.

Плакала я на мягком животе няньки. Старуха поглаживала мои волосы и часами терпела мою истерику. А я все прижималась к ней, обнимала и пыталась запомнить хотя бы ее тепло, не думая о том, что ей дают жалованье за это терпение. Глаза няньки сухи, а жесты спокойны. Ей отчасти жаль меня, но не до такой степени, чтобы убиваться. Собственные дети дождутся настоящей любви, а за несколько медных кратов можно и меня по голове погладить. Но все же старуха знала меня почти всю мою жизнь, потому невольно сострадала – она же не моя непроницаемая мать:

– Ну, успокойся уже, успокойся. Княгиня права, Айса. Тебе подарили отсрочку, и за этот дар поблагодари богиню, а не расквашивайся как капуста. В конце концов, убейся ты здесь, то великий князь жестоко бы за это отомстил всем нам. Но университет находится в Центрине – вряд ли у него настолько длинные руки, чтобы и там всех достать, если ты случайно шею свернешь.

Я подняла опухшее лицо и уставилась на нее.

– Зида, ты мне предлагаешь убиться?

– Нет, конечно, – она спешно замотала головой. – Вернее, теперь ты хотя бы это сможешь сама решить, никому не подписывая приговор. Несчастных жен на свете много, но им хотя бы оставляют утешение – возможность родить дитя, обернуть несчастье хоть каким-то счастьем, отыскать хоть какой-то смысл. Тебя же и того лишили, а значит, сначала ты будешь ненавидеть мужа, пока не возненавидишь себя. Ты еще совсем молода, кое-чего не понимаешь, и это даже хорошо… Невозможно жить, если никого не любишь, Айса. Трудно жить, если не любят тебя, но если самой любить некого – невозможно.

Я действительно не понимала ее рассуждений и даже посчитала их преувеличенными. Старая нянька слишком чувствительна, а может, она отвлекала меня на другие проблемы, чтобы самая главная пока не разорвала мне голову? О какой любви она вообще талдычит в таких обстоятельствах?

– Твои слова меня еще больше угнетают, Зида.

Она тряхнула головой и начала говорить тише, но быстрее:

– Тебе и положено сейчас поплакать, сами боги велели. Но иногда судьба поворачивается! Я мало что в центринских порядках понимаю, но верь, что найдутся какие-то шансы повернуть судьбу! Если же не удастся, если она у тебя такая, что поворачиваться не захочет, – нянька помешкала, но все же закончила бессердечным: – то знаешь, есть много вещей похуже свернутой шеи. Это тоже выход, как ни крути.

Я не хотела стать любовной игрушкой извращенного старика, не хотела пережить пытки или издевательства, но умирать я не хотела тоже. Почему они все не видят, что я уже есть? Да, никому не нужная, никем не любимая, но я существую! И хочу существовать дальше. Хотя… вероятно, я еще не до конца понимаю, что творится в замке моего будущего мужа, раз даже старая сердобольная нянька взвешивает такие варианты.

– Не обижайся на глупую старуху, Айса. Я просто не знаю, что еще сказать! – обеспокоилась она от моего вида. – Ну не может быть такого, чтобы на великого князя никакой управы не нашлось. Это здесь он бог, а в Центрине водятся другие боги – какие-нибудь здоровенные драконы и породистые шелле! Но тебе очень важно будет измениться, обнаглеть, упасть, забыть о манерах и вымолить у кого-то из них защиты, потому что из иных путей только мучения до конца твоих дней! Ты же хрупкая вся, стеклянная. Урони тебя – и разобьешься. Так уж или разбейся, Айса, или перестань быть стеклянной!

Я прогнала Зиду, сказав, что мне еще нужно собраться и помолиться. Но, если честно, ее случайный совет меня немного приободрил. Хотя ненадолго. Ну да, выше великих князей Окраин стоят только шелле, самая высокая элита империи. Их слово даже для великого князя будет законом. Но только они так далеко от простых смертных, так высоко надо мной, что с подобного расстояния не смогут разглядеть Имельское княжество целиком, не то что меня.

Одевалась я задолго до рассвета, не желая будить служанок. Не хотелось больше ни в чьих глазах видеть облегчения, что уезжаю. Они все отвечали головой за мою сохранность, но сразу после выхода из отчего дома эта ответственность будет переложена на других. Платье выбрала шерстяное,

теплое, дорога дальняя, а кто обо мне позаботится, если не я сама?

Но застыла перед зеркалом. Каким-то странным образом платье мне стало немного мало, но, благодаря тянущейся ткани, я смогла застегнуть все пуговицы. Я поправилась? Пригляделась лучше, изумляясь. Нет, кажется, раздалась только грудь – она стала будто выше, зато в талии под тканью оставалось место. И с волосами было что-то не то – темно-русый цвет немного потемнел, я даже рассмотрела фиолетовые отблески от светильника в прядях, которых раньше никогда не замечала. Что происходит? У меня от всех бед разум повредился?

Запоздало вспомнила, о чем говорил Зохар со своими сопровождающими. Что-то о демонической силе, которая со временем сделает меня женственней. Это ее он вдохнул во время поцелуя! Я ведь и тогда почувствовала какой-то неприятный привкус, но все списала на переживания. Но если я вижу изменения собственными глазами уже наутро, то через несколько месяцев я стану какой-то невообразимой красавицей? Или кем? А от меня хоть что-нибудь останется, или я сделаюсь похожей на демоницу с иссиня-черной шевелюрой и красным дымом перед глазами? Однако такая вероятность меня не беспокоила – я готова была стать кем угодно, выглядеть как угодно, даже если через месяц у меня отрастет горб и искривятся ноги, как бывает у зверолюдов, лишь бы судьба все-таки развернулась.

Глава 2

Всю неделю пути меня сопровождал отряд из людей великого князя. Повозка его была богатой и очень удобной, но конечности все равно затекали, а скуку перестали развеивать даже меняющиеся за окошком пейзажи. От пепельного неба поначалу накатывала жуткая тоска, и она не хотела исчезать, даже когда высь начала понемногу синеть. Мы ехали на северо-запад, но почему-то климат здесь был немного суше и теплее. На пятый день я уже переоделась в более легкое платье, поскольку в прежнем было невыносимо жарко. А может, мы просто попали в те самые осенние деньки, которые разбивают холода почти летней температурой.

Когда въехали в Центрину, главный район империи, окруженный семью Окраинами, то дороги изменились – стали чище и глаже. Здесь вообще все было красиво – от желто-красной листвы на деревьях до изящных оград поселений. Но мы не заезжали в города, я не могла оценить их убранство изнутри, поскольку охрана опасалась моего побега. Останавливались на ночевки в придорожных тавернах, но и там предварительно разгоняли всех постояльцев. А в моей комнате со мной оставались спать не меньше двух мужиков. Я даже в туалетной комнате не могла задержаться, чтобы через пять минут не начинали барабанить в дверь и удостоверяться, что я не просочилась в канализационный сток. Я с ними ни о чем не разговаривала и не жаловалась. Толку жаловаться? Они буквально собственной шкурой отвечают за то, чтобы я доехала до университета. Разве я на их месте вела бы себя более тактично? Но это понимание не делало назойливых попутчиков в моих глазах друзьями.

Главный из них оформлял мои документы, когда мы наконец-то приехали к пункту назначения при небольшом городке Ра?дожке. Я надеялась рассмотреть хоть одно центринское поселение, но меня подвезли к высокой стене и оставили в университетской приемной, пока окончательно улаживали дела. Разумеется, оплату за обучение внес правитель Седьмой Окраины, от его имени человек и выступал. Меня даже на собеседование не пригласили – и так ясно, что великокняжескую невесту примут, устроят и поселят без лишних вопросов.

Я так и сидела в приемной, когда мужики, к лицам которых я успела за неделю привыкнуть, засобирались на выход. И это все? Дорогую вещь передали в другие руки и пора возвращаться домой? А мне, получается, можно бежать? Или сначала удостовериться, что здесь никого не казнят за мой побег?

– Проходи, Айса, – меня от другой двери позвал высокий мужчина солидных лет. – Иди сюда, не стесняйся. Багаж оставь, слуги перенесут в твою комнату. Я – виконт Дастерс, родился в Сердцевине, но вот уже восемнадцатый год служу здесь директором. Да не волнуйся ты так! Все будет хорошо. Здесь разные студенты учатся, приживешься как своя. Триместр уже начался, но вряд ли это будет проблемой – очень сомневаюсь, что княжну не научили отличать вилку от ложки, – он усмехнулся.

Директор вел себя очень приветливо, но я держалась настороженно – впрочем, как к любому чужаку. Я всю жизнь провела в почти полной изоляции: кроме прислуги, семьи и крестьян из ближайших деревень, людей и не видела. И точно не могла по внешнему виду определить, хороший передо мной человек или нет.

– Охрана у нас отменная, – он все еще рассказывал, ведя меня по бесконечному коридору. – Тебе не выдали разрешение на выход в город, потому свободные дни будешь проводить в этих стенах, но это не ко мне вопрос, а к твоему жениху. Программу тебе какую-нибудь накидаем, хотя никаких распоряжений на твой счет не передавали, так что можешь определиться сама. Похоже, великий князь Седьмой Окраины просто хочет, чтобы все его жены имели престижный диплом, но никаких знаний от вас не ждет?

– Именно так, господин директор.

Я старалась держаться вежливо и смиренно. Но он зачем-то постоянно пытался меня растормошить фразами наподобие: «Перестань стесняться» и «Чего ты так боишься?» Я вроде бы ничего не боялась, кроме совершенно незнакомого для себя мира. А кротости меня учили побольше, чем музыке. Это единственный навык, который в будущей семейной жизни мне может эту самую жизнь спасти.

– Сильно не загружайся, Айса, – продолжал советовать виконт. – Особенно в первый триместр. И больше двадцати предметов брать нельзя, это предел, даже если ты гений, схватывающий все на лету!

Я полюбопытствовала:

– Двадцать? А минимум сколько?

– Минимум? – Он очень удивился вопросу. – Пять. Но так мало никто не берет, конечно. Ты должна освоить курс целиком, а некоторые дисциплины занимают до шести триместров. Если будешь брать по пять за раз, то учиться здесь придется лет десять до диплома.

– О, десять лет? – я впервые после жуткого сватовства обрадовалась. – То есть я по вашим же правилам могу здесь на десять лет задержаться? Конечно, если моему жениху действительно хоть немного важен диплом…

– Можешь, – обескураженно согласился директор. – Если такова твоя цель.

До сих пор у меня вообще внятных целей не было, а тут хоть что-то! Хотя сомневаюсь, что Зохар мне позволит так надолго откладывать свадьбу, но

почему бы не надеяться на это, когда больше не на что?

Я с магическим буклетом освоилась быстро, диктуя выбранные уроки директору в его кабинете, чтобы он внес в мою программу:

– Давайте историю и географию. Я их неплохо знаю, но будет интересно, если услышу что-то новенькое. И вот – кулинарная магия!

– Зачем тебе она, Айса? – директор улыбнулся, думая, что я шучу.

– У нас все поварихи ею владеют, хотя никто из них у вас не учился. Но почему бы не освоить? Вдруг я когда-нибудь трактирщицей стану? Озолочусь.

– Вот уж вряд ли тебе такое светит. Четвертый предмет?

Теперь я задумалась, список был довольно большим.

– Впишите «Манеры благородных дам», – прочитала я.

Директор развеселился:

– А на этих уроках ты будешь высыпаться?

– Наверное, – я зажато пожала плечами. – И жене великого князя не помешает знать этикет любой области империи… Вдруг мне не посчастливится стать трактирщицей?

– Никак не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно, Айса. Но ладно, этот урок я включил. Еще как минимум один нужен.

Я при нем ни разу не пошутила, я вообще не склонна к юмору и глупой болтовне. С кем мне было глупо болтать? Со служанками разве что. Но ведь они отвечали только потому, что я княжна, а не из дружеских побуждений.

Больше пяти предметов я изучать за раз не собиралась, потому о последнем думала особенно тщательно и в итоге выбрала:

– Основы боевой защиты!

– Вот сейчас точно шутишь, – не понял господин Дастерс.

– Нет, вот сейчас точно не шучу! – заверила я. – А что с этим уроком не так?

– Все боевые дисциплины выбирают военные маги, телозащитники и наследники титулованных семей, чтобы уметь за себя постоять. А, ну еще будущие грабители, которые боятся в будущем не отыскать себе других хороших должностей. Вряд ли утонченной барышне там место.

– Мне нельзя ее выбрать? – я не понимала. Но и он, кажется, меня не понимал.

– Теоретически можно. Просто зачем? Ты точно просмотрела второй лист уроков для первого курса?

Я и сама толком не понимала, почему мой палец остановился на этой строчке и никак не хотел с нее сползать. Так сильно понравилось мне слово «защита» – как теплый комочек, прижавшийся к животу. От мужа я защититься все равно не смогу. Но палец продолжал вдавливаться в буклет.

Оставшись без ответа, директор продолжил убеждать:

– К тому же для успешного обучения там требуется магическая сила – намного большая, чем при воплощении кулинарных рецептов. Разве в тебе есть сила? Получается, что тебя смогут натренировать только простейшей физической обороне, но серьезные задания ты не осилишь – и будешь получать пинки и оплеухи, ведь сами уроки в этом и заключаются.

Пинки и оплеухи от каких-то студентов… А может, мне это надо, чтобы освоить науку смирения еще больше, чем вдалбливали мне на словах? Я все еще помню унижение в мраморном зале родного замка и как трудно его переживала. А если вся моя судьба будет заключаться в унижении, пинках и оплеухах, то не начать ли к ним привыкать? Или меня вообще на уроке пришибут, тогда случайное пророчество няньки сбудется. И никто не пострадает, наверное. Ну, убилась и убилась в процессе усердной учебы, отец с матерью в этом точно не виноваты. Я тряхнула головой. О чем я думаю? Почему эта гниль саморазрушения так крепко

засела в моих мозгах?

– Не знаю, – я посмотрела на мужчину менее уверенно. – Тогда я провалю экзамен и в следующем триместре выберу другой курс. Мне хочется попробовать, испытать себя, стать или смиреннее, или сильнее, а то я в этой половинчатости с ума себя сведу. У меня нет других идей, как перестать быть хрупкой и стеклянной.

– Ну как знаешь, – он устал делать мне добро через силу. – Записываю. Кстати, может, и к лучшему. Там же Аштар занимается, присмотрит за тобой.

– Кто? – я нахмурилась.

– Аштар, княжич Рокка, – пояснил виконт.

– Сын, что ли?! – я от удивления вскрикнула и вскочила на ноги.

– Ну да, сын твоего жениха. Семнадцатый вроде бы. Чистокровный демон, потому изучение магической защиты для него обязательно. Но по твоему виду предполагаю, что ты вообще не знала, что он у нас учится.

Действительно, не знала. Но теперь стало понятнее, почему меня отправили именно сюда и не оставили княжескую охрану. Тут сынок собственной персоной находится – он и приглядит, и пошпионит для отца. О такой мелочи меня оповестить забыли. Но кто я такая, чтобы мне докладывать?

– О, впишите лучше садоводство, господин директор, – опомнилась я. – Только сейчас увидела, что и такой урок есть. Садоводство – это очень интересно! Ну ее, защиту эту боевую, скукота.

Дастерс вздернул бровь, да так со вздернутой и остался, когда я уходила.

Мне каким-то неведомым образом здесь нравилось все сильнее и сильнее. И тем же самым, чем вначале пугало – неизвестностью. Тут всё незнакомое, люди в коридоре не смотрят с жалостью, пренебрежением или раболепием – они вообще не смотрят на меня, поскольку я для них пока пустое место. Захочу – им и останусь. Захочу – вырасту во что-то, чем раньше не имела возможности

побывать. Но состояние необъяснимой радости смешивалось с напряжением, я никак не могла определиться с поведением. Стоит ли опустить взгляд в пол или, наоборот, необходимо поднять подбородок и шагать вперед княжной, а в будущем – великой княгиней Седьмой Окраины?

Все студенты имели комнаты в общежитии – здании гигантских размеров в несколько длинных этажей. И я снова растерялась, как реагировать, когда какую-то девушку выгнали с вещами из спальни, чтобы по распоряжению директора меня заселить именно сюда. Нет, ничего страшного с ней не произошло, ей просто определили другое место, но я недоумевала, зачем так нагнетать раздражение вокруг моего появления в университете?

Выяснила я причину столь странной рокировки достаточно быстро – стоило только познакомиться с соседкой по комнате. Очевидно, что директор сразу решил: мы с Маритой легко найдем общий язык и поддержим друг друга, ведь нас объединяет общее счастье, – по его версии. Но нас объединяло общее горе, – по нашей с Маритой версии, к которой мы пришли через пять минут знакомства.

– Ты его невеста?! – девушка схватилась за грудь, когда я вкратце описала, кто я и откуда. – С ума сойти! Вот уж не думала, шо в такой дали от дома увижу кого-то из своих! И пусть я не из имельских земель, я-то родом из Крахольского княжества, шо на другом конце Седьмой Окраины, но ты понимаешь – все равно к тебе ближе, чем к кому-то еще здесь… Послы великого князя девок у нас в середине лета набирали. А мамуся с моих пятнадцати лет сокрушалась, какой красавицей я уродилась. Предлагала даже лицо мне ножиком порезать, чтобы не приглянулась. Но рука не поднялась. Меня прямо в поле разглядели – еще до общего сбора на площади. И всё, говорят, такую в наложницы к самому господинчику Окраины. Они потом по княжеству покатались, двух бедолаг еще отыскали, а за мной на обратном пути заехали, не забыли. Мамуся до сих пор, наверное, слезы льет, что не уговорила лицо-то порезать…

Мне было немного завидно слышать, что какая-то неведомая «мамуся» разрывается от горя, что ее красавицу-дочь все же разглядели для великокняжеского замка, как она давно и чувствовала. И ведь чувствовала не без причины – Марита была необыкновенно хороша собой, мне такие девушки раньше не встречались. Она была не по-крестьянски тонкокостной, но пышной в нужных местах. И фигура ее еще не была главным достоинством: рыжеволосая смуглянка с необычными ярко-зелеными раскосыми глазами. Жесты грубоваты, Марита сутулилась, когда сидела, но мне отчего-то не было удивительно, что

такую даже издали приметили и сразу определили в любовницы Зохару. Красота неземная, нездешняя, но идущая вразрез с ее деревенским говором:

– Ухохочешься, Айса, когда расскажу, зачем они меня сюда отправили! Привезли меня, понимаешь, в замок, мыли-причесывали дня три, откармливали как на убой, а потом на поклон к великому князю повели, но уверены были, что меня одобрит. Он и одобрил, а я от страха чуть дорогущий подъюбник не намочила. Жуткий он какой-то, страшный. Не старик даже – у нас в селе много стариков дряхлее, но все они в сравнении с ним красавцы. А у этого грязь какая-то в глазах, не умею я красочно описать!

Я кивнула:

– Прекрасно тебя понимаю, Марита. У меня от отвращения колени тряслись, когда я нашего с тобой Зохара увидела. Так почему тебя учиться отправили? Ведь от наложниц вряд ли ждут высоких манер и знания географии.

Она раскатилась грудным вибрирующим смехом:

– Так я перепугалась, но знала, шо будет, если разозлю. Потому поздоровалась, как умела! «Здрасьте, говорю, государь добренький, благодарствую, говорю, шо меня выбрали» и поклонилася ему до земли. Меня так служанки научили, чтобы его умаслить. А он как вскипел! Побил меня немного, но потом остановился и говорит: «Красивая-то какая. Неужель ее невозможно научить нормально разговаривать?» И там какой-то дедок рядом подкрякал, что научить – это запросто. Вот меня сюда и отправили! Учиться, значит, чтобы сударя своими речами не беленить.

Я невольно смеялась над ее рассказом. Это же нарочно не разыграешь! Мне отсрочку дал титул и невзрачная внешность, а Мариту спасла красота и сельская безграмотность. Научить правильно говорить и изящно кланяться – не такая уж большая проблема, на это точно уйдут не годы. Но пока она здесь – она не там. И мне все зудело спросить: «А как там?», ведь Марита провела в замке демона несколько дней и точно знает больше моего. Но я не спрашивала, потому что очень боялась, что ответит такое, после чего мне действительно смерть медом покажется.

Характер у нее был немного странный – гораздо более эмоциональный, чем я замечала за людьми до сих пор. Марита то гоготала так, что стекла дрожали, то печалилась до такой степени, что и мне хотелось плакать, ее слушая.

– Эх, Айса, счастливая ты. Я бы тоже в жены хотела, если уж совсем не увернуться. Все лучше.

– Чем же лучше? – я на этот вопрос и себе не отвечала.

– Хотя бы тем, шо наложницы при демоне живут, пока молодые и красивые. А жены сами мрут, если до того сильно не разозлят. Чуешь разницу?

– Смотря от чего мрут, Марита, – неопределенно ответила я. – Но спорить не буду. Нам обеим в этих шкурах побывать, там и сравним. А может, он и возьмет тебя в супруги, если поразишь его благородными манерами? Не все же десять жен у него обладают высокими титулами, некоторые должны быть из простых. А уж такие красавицы там вряд ли водятся, так что можешь и великой княгиней стать, если сложится.

Я просто пыталась подбодрить, чтобы она снова улыбнулась, хотя не могла определиться, что лучше – умереть молодой или жить до глубокой старости среди таких же измученных судьбой жен, видя всё, что муженек творит с другими.

Директор университета оказался прав в предположении: мы с Маритой не были близки по происхождению, по воспитанию или по интересам. У нас из общих тем для беседы была только одна – Зохар Рокка, но о нем мы и сами не хотели говорить. Но при всем этом мы с ней сразу срослись самым важным – ощущением общей беды, которая примирит даже самых непримиримых. Мне, не наученной любить и принимать чужое внимание, Марита чрезвычайно понравилась. И резкий громкий хохот над любой мелочью казался самой прекрасной на свете музыкой, поскольку был искренним. Пусть смеется, пусть даже среди ночи будит своим гоготом – и пусть ей боги подарят много такого же смеха впереди. Хотя бы пока она остается в университете. А дальше у нее положение не завиднее моего: жить бездетной, ублажать старика, благодарить его за побои и издевательства и никогда не узнать любви другого мужчины.

Я сама предложила поделиться гардеробом – это был мой порыв, который я не смогла сдержать. Просто заметила, что Марита сидит в потрепанном сарафане: в замке демонов ей выделили всего два наряда, да так и отправили. Здесь студенты наряжались в свое: кто в бархат, расшитый золотом, кто в драный мешок, и Марита оговорилась, что двух платьев ей маловато, чтобы не износились за целый год, потому она переживала о насмешках. Но теперь насмешек не будет – я с собой привезла буквально все свои наряды, поскольку дома их оставлять было уже некому. И весь вечер мы потратили на сплошное веселье: примеряли и заново переодевались. Я, наверное, никогда так здорово не проводила время. Мы смеялись даже над тем, что мои платья обеим узки в груди – вот же досада. Но какие смогли зашнуровать, те в ход и пойдут. А там посмотрим – тут вроде бы можно заказать прислуге, чтобы доставили из города новые вещи. Моих золотых кратов хватит на нас обеих, а потом можно и украшения продавать.

Фигура моя, как и цвет волос, с того утра больше заметно не менялись – или трансформация сделалась настолько медленной, что глаз уже не улавливал. Хотя куда уж женственнее? Я и такой себя никогда не воображала. Но встав с Маритой перед зеркалом, я решила, что больше надумываю – в сравнении с ней я выглядела угловатым подростком, а не породистой красавицей, как она. Зеленоглазая нимфа затмевала меня, даже преображенную. Или у демонской магии просто есть пределы возможностей?

– Слушай, – она грубовато пихнула меня локтем в бок, – а может, ты моя сестренка-потеряшка? Типа мой папуся в ваше княжество заглянул и твоей мамусе-княгине дочурку заделал! Глянь, у тебя тоже глаза зеленые, почти близняшки!

Я засмеялась удачной шутке. В нашей внешности не было вообще ничего общего, а радужки у меня зеленовато-коричневые, издали цвет не определишь. Марита так мне пыталась поднять настроение, как я поднимала настроение ей дележкой гардероба. Но называться ее сестренкой-потеряшкой я была согласна с первой минуты знакомства.

Мы так развеселились, что я едва не пропустила время вечерней молитвы, но вовремя глянула на настенные часы и вмиг успокоилась. Марита присоединиться не захотела, просто забралась с ногами на свою кровать и слушала молча, как я песнопениями прошу богиню подарить мне смирение и терпение ко всем невзгодам. Мне еще ни разу не приходилось молиться при посторонних, потому

я ощущала себя неловко, но все же ответственно пропела каждое слово и прочувствовала каждый вдох из трех после обязательной части. Посмотрела на Мариту, как будто ждала ее реплики, но увидела красивые глаза, полные непонятной грусти.

– Ты чего? – спросила я сдавленно, не понимая, чем ее расстроила. – Не веруешь в помощь богов?

– Никогда не веровала, – она ответила так же тихо. – Да вой ты свои песни, мне не мешаешь.

Но я уже завершила. Улеглась в свою постель и почти сразу уснула, не успев снять с губ улыбку.

Программы у нас с Маритой совпадали только в одной дисциплине, самой популярной среди девиц-первокурсниц – «Манеры благородных дам». Ей еще сверху накидали девять видов разных искусств, в том числе учили каллиграфии. Но на первый общий урок мы побежали вместе сразу после завтрака в столовой.

На занятии я с трудом держалась, чтобы не расхохотаться. Манеры благородных дам – роскошно звучит! Но начинала учительница с азов, которые они почему-то не успели освоить еще до моего приезда. Все занятие она учила нас стоять – в прямом смысле! Красиво стоять, не сутулиться, а в конце урока самым продвинутым ученицам уже разрешалось немного походить. Тоже, конечно, красиво и осанисто.

Девчонок на этом курсе собралось много – десятка четыре, не меньше, и занятие проходило в довольно большой комнате. В такой толпе до меня очередь дошла далеко не сразу, но учительница меня каким-то образом узнала и представила остальным:

– Наша новенькая студентка, Айса, княжна Имельская. Как к вам обращаться, сударыня?

Я очень удивилась такому вопросу. До меня учительница всех звала просто, безо всяких там титулов. Или до меня просто титулованные не попались?

– По имени и на ты, если можно, госпожа Таиран, – выбрала я без труда, не желая ничем отличаться от остальных.

– Хорошо, Айса, – она тут же переключилась. – Полагаю, ты сможешь показать остальным, как красиво пройти – ну, допустим, к императорскому трону для реверанса.

– Смогу, конечно, – я пообещала, но тут же задрожала от волнения.

Все девчонки уставились на меня, как на образец для подражания. Уж с осанкой и простыми шагами я никогда проблем не испытывала. Но меня же никогда не экзаменовали под прицелом стольких взглядов! И через три шага я споткнулась на ровном месте, покраснела под смешки, проковыляла до конца зала. Марита посчитала нужным за меня заступиться:

– А шо ржете-то? Не видите, девка стесняется? Она за всю жизнь из своего замка раза три выходила!

Учительница строго поправила:

– Не «шо», а «что», Марита, но в остальном ты права. Вы всерьез считаете смех над чужой неудачей уделом благородных дам?

В общем, этот урок оказался самым запоминающимся за весь учебный день. Остальные я отсидела без особого интереса – в начале триместра объясняли самое простое, а на кулинарной магии вещали о свойствах дрожжей. На географии я только отметила забавную деталь. Учитель рассказывал об имперском устройстве и подати с Окраин в Центрину назвал нелепым словосочетанием «налоги на защиту общих границ». У нас дома их упоминали только как «подати», причем с негативным подтекстом. В остальном – все то же самое, что мне было известно с детства. Окраины – это что-то наподобие государств в государстве, они находятся под вассалитетом, но в каждой устанавливаются свои законы и порядки. И потому жизнь в Первой Окраине может существенно отличаться от жизни в Седьмой. Центрина во внутренние дела Окраин старается не вмешиваться, уважая право великих князей на региональное обустройство. И определенно не мешает их мелким стычкам между собой, пока доходы в имперскую казну не иссякают. Центрине все равно, кому принадлежит мое мелкое приграничное княжество. Абсолютно наплевать,

если эту землю будут дергать между собой сильные и устраивать на ней любое беззаконие. На географии я задумалась и о другом: столица империи, Сердцевина, всего в двух днях пути отсюда, но мне вряд ли будет дарован шанс на нее посмотреть, раз даже за стены университета выглянуть запретили.

На садоводстве мне довелось впервые в жизни немного покопаться в земле, и с концом этого урока все интересные события дня и закончились. Я набрала в библиотеке кучу учебников и книг, в том числе романов центринских писателей. Чтение я люблю, ведь это занятие в моей предыдущей жизни было веселее, чем играть с самой собой в мац-хе. Но очень ждала возвращения Мариты. А у нее целых восемь уроков по сегодняшнему расписанию! Не погорячилась ли я, когда ограничилась минимальным набором? Во вторицу у меня всего два занятия в расписании – первое и четвертое, а на третицу – вообще ничего. Пять предметов на триместр предполагают очень расслабленный режим, с правотой директора в этом вопросе не поспоришь. Может, еще не поздно передумать? Но нет, лучше уж я проведу лишнее время за чтением, чем получу диплом раньше, чем через десять лет!

Я так ждала Мариту, чтобы вместе прогуляться, но она после ужина сразу засела за домашнее задание. Я немного помогла ей с чистописанием, а потом оставила в покое – пусть умница занимается. У нее голова светлая, память хорошая, ей просто с детства все эти науки не вдалбливали, но сейчас она азартно хватает все новое, поглощая необычную для себя жизнь со свойственной ей жаждой неисправимого оптимиста.

На следующий день в большом перерыве между уроками я написала письмо домой. Кратко: как устроилась, что изучаю, какие здесь условия и быт. Нашла отделение, откуда секретари отправляют послания, но в дверях замялась, развернулась и ушла. Закинула письмо в пустую коробку из-под обуви, задвинула ее вниз шкафа. Зачем отправлять? Никого дома я этими строками не обрадую. Разве что немного няньку, если впишу и для нее привет, но Зиде ведь никто не будет мое письмо вслух читать. Остальным же совсем наплевать. Так не пора ли наплевать и мне?

И вот на четвертом уроке, который у нас с Маритой снова был общим, произошло очень странное событие. Нас прервали как раз в момент, когда госпожа Таиран показывала простой книксен. В зал ворвались несколько мужчин в форме университетской охраны.

– Всем взять свои сумки и отойти к стене! – грозно распорядился старший из них.

– Что происходит? – удивленно спросила учительница.

Но мужчина дождался, когда мы возьмем со специально отведенных для этого полок свои учебные сумки и выстроимся в ряд, лишь затем объяснил:

– Произошла кража, госпожа Таиран. И это вопиющий случай для нашего учебного заведения! Девушки, все содержимое сумок вывалите перед собой, выверните карманы, снимите обувь.

Мы выполняли приказы без вопросов, толком ничего не понимая. Судя по лицам моих одноклассниц, такое происходило впервые и шокировало всех. Охранники начали обход с обоих краев, осматривая вещи каждой и заглядывая в пустые сумки. Главный же остался в центре, глядя внимательно на нас по очереди, как будто взглядом мог вычислить воровку и не терял надежду обнаружить ее именно в нашем классе. Но все же пояснил, чтобы мы себя не накручивали:

– Обыскиваем всех студентов без исключения. После урока в комнаты не возвращайтесь – мои подчиненные сейчас смотрят там. – На этих словах девушка справа охнула, но почему-то заставила главу охраны улыбнуться: – Нет, нас не интересуют ваши секретики, любовные письма и противозачаточные травы, так что выдохните.

– Что же вы ищете? – полюбопытствовала снова учительница, но и всем нам это было интересно.

– Очень дорогой перстень, – объяснил служивый. – Вещь заколдована от поисковых заклинаний, как часто делают с древними родовыми украшениями, чтобы враги не могли отыскать его носителя, если им приспичит. Сейчас эта мера сыграла против нас. Но мы в любом случае рано или поздно колечко найдем. Украли у драк-шелле Ео! Можете себе представить, госпожа Таиран? Мне даже интересно, кто и ради чего пошел на такое самоубийство? Перстень даже силы никакой не дает, просто родовая побрякушка.

Многие вокруг заохали, а я же вообще впала в полный ступор. Мне не послышалось?! Мужчина на самом деле это произнес? Шелле – верховная элита империи, средоточие власти. Выше остальных шелле только один император,

который тоже, конечно, шелле. А приставка «драк» может означать только…

– Неужели здесь учится кто-то из драконов?! – я схватила за рукав рядом стоявшую девушку.

– Ну да, – ответила она. – Где же им еще учиться? Точно не знаю, но несколько шелле точно здесь есть, а из них, может, два-три дракона. Здесь десятки факультетов, сотни направлений подготовки, мне о списках не докладывали. Отпусти, Айса, а то еще подумают, что ты мне перстень перекладываешь!

У меня по всему телу прошел озноб, но он не был неприятным. Мы с нянькой говорили о том, что есть кто-то выше великого князя Окраины. Намного, намного выше! Тот, кто может от великого князя спасти, тот, кто может даровать от него помилование или прикончить тебя без каких-либо княжеских санкций. И любой из драк-шелле в этом небольшом списке. Мне всегда казалось, что они существуют в каких-то других мирах, а не вот прямо тут, через стенку или в соседнем здании! А если я его отыщу, если упаду к нему в ноги и попрошу о свободе для меня и Мариты, то не станет ли это тем самым поворотом судьбы, о котором я и мечтать раньше боялась? Ведь мы с ней можем отправиться в услужение к ним! Это должно быть лучше, чем до конца дней ублажать старика, пока ему не надоешь или он не захочет послушать твои крики… Но лучше ли? Я почти ничего не знаю о правящей власти в Центрине, на учебники в этом деле полагаться нельзя – про Седьмую Окраину тоже много чего пишут, но сухие факты никогда не отражают реальность. Да и станут ли шелле вообще слушать? Но я не могла уже остановить эту фантазию – как будто в голове моя мечта уже начала сбываться, и ее волей уже было не удержать.

Ни у кого из студенток в вещах украденного не нашли, потому глава охраны закончил:

– Если преступница здесь, то послушай внимательно. Перстенек в любом случае обнаружится, даже если ты его в землю зароешь, а дракон уж определенно сможет понять, кто держал предмет последним. Это означает, что приговор тебе уже подписан, и не так важно, свершится он сегодня или завтра. Но драк-шелле Ео готов простить тебя за чистосердечное признание и если вернешь кольцо, принадлежавшее еще его деду и дорогое исключительно в качестве семейной памяти. Подумай хорошенько! Признаешься – лишишься только кисти левой руки за воровство у шелле, на том и вся твоя беда. Не признаешься – пеняй на себя, потом еще умолять о смерти будешь. Теперь для остальных: выход из

университета запрещен до того момента, когда перстень окажется в руках владельца.

Я сглотнула. Это такая у шелле расправа за обычное воровство, да еще и с признанием? Кажется, мне следует повременить взывать к их милосердию. Не прикончат ли меня только за вопрос, могу ли я о чем-то их просить? Развернувшаяся фантазия без труда скрутилась обратно в тугой черный комок безнадеги.

Но теперь я присоединилась к недоумению охраны. Кто же, любопытно, тот самый идиот? И сколько может стоит драконий перстень, если вор рискнул ради него буквально всем? Все равно он идиот – когда отправится к богам на суд, деньги перестанут иметь значение.

Марита тоже удивлялась за ужином. Да в столовой вообще все только о громкой краже у самого драк-шелле и говорили. Все спальни уже обыскали – и пропажу все еще не нашли. Тот дурак, если у него есть хоть одна извилина, должен попытаться от перстня избавиться любым способом. Может, и впрямь в землю зароет, пока не придумает, как из этой катастрофы выбраться. Воришка с висящим над его головой приговором оказался настолько глуп, что его чисто по-человечески даже жалко!

В нашей спальне царил совсем небольшой беспорядок – по всей видимости, охранники обыскали полки и матрасы, могли еще магически осмотреть стены на предмет тайников. Нам с соседкой скрывать было нечего, потому мы даже не подумали раздражаться или напрягаться от вмешательства в личное пространство.

После ужина Марита снова засела за домашние задания, а я опять не знала, куда приткнуться. Все же решила отправить письмо домой. То, что ко мне родственники холодны, не означает, что и я должна быть холодна в ответ. Хотя, наверное, это и означает, но в том всегда была моя слабость: я искала тепла у тех, кто никогда его мне не давал. И зачем-то продолжала надеяться на чудо. Почтовый отдел еще должен быть открыт, если поспешу. А мне обязательно надо было поспешить, иначе завтра снова буду мучиться дилеммой: отправлять конверт или отпустить прошлые связи, как будто их никогда не было.

Я села на колени перед шкафом, нащупала коробку внизу, вытянула ближе к себе. Открыла, взяла свое письмо и замерла, почувствовав себя в ледяной проруби с нарастающим над головой льдом. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. На дне коробки лежало массивное кольцо с камнем оранжево-желтого цвета с тонкой полоской посередине, как зрачок у хищников. Бездумно взяла его в руки, не в силах поверить. Мне не говорили, как выглядит пропавший перстень, я вообще раньше не трогала древнее золото, обладающее красноватым оттенком, но, как под дурманом рассматривая вензеля с потертостями, сразу поверила, что именно его держала в руках. Я уверовала в этот липкий, необъяснимый факт даже отчаяннее, чем всегда верила в богов.

Глава 3

Я рассматривала ссутуленную спину рыжеволосой Мариты, которая, пыхтя и потея, пыталась старательно выводить ровные буквы. Неужели беду на меня навела именно она? Неужели врагом оказалась девушка, которую я чуть ли не сразу записала в сестры, поскольку мы были с ней сроднены единым несчастьем? Со мной ведь и раньше подобное происходило: я всегда открываю душу навстречу тем, кто сам подобного ко мне не чувствует.

У Мариты в университете особое положение. Девушки часто смеются над ее безграмотностью и грубой речью, но она не обращает на насмешки внимания, как если бы их не было вовсе. Зато парни не смеются – хоть в столовой, хоть в учебном коридоре все представители мужского пола замирают и смотрят ей вслед. На это Марита также не реагирует, как если бы жадных взглядов не замечала. Даже будто побаивалась этого восхищения больше, чем презрения. Перед ней стояло то же условие: если Марита после возвращения в замок окажется не девственницей, коей уезжала, то за распутство поплатится не только она, но и вся ее семья, а может, и целая деревня. Я видела в этой безродной девице, не умеющей даже бегло читать, мудрую осторожность, что вызывало уважение.

Могла ли Марита так поступить? И почему перстень не нашли при обыске? Хотя мы с ней вряд ли попадали под серьезное подозрение, потому охрана могла не слишком усердствовать. Мы, лишь недавно прибывшие из Седьмой Окраины, вряд ли в курсе, как пробраться в покои шелле, и уж, тем более, чем ценным там

можно поживиться. К тому же мы объявлены невестой и наложницей великого князя – зачем нам деньги, если у нас до конца жизни больше ничего своего не будет? Но то, что кольцо не найдено, не говорило в защиту моей соседки. Глава охраны обмолвился о том, что драк-шелле каким-то образом может ощутить, кто последний трогал его вещь. А я в изумлении взяла перстень в руку – и теперь, если пропажа будет обнаружена в нашей комнате, то я и сделаюсь единственной подозреваемой. Не для того ли она в моих вещах и была запрятана?

Чем дольше я смотрела в ее спину, тем сильнее убеждалась в правоте догадки. Я здесь почти никого не знаю, никто меня не ненавидит, никому я дорогу не переходила. Такое задание ей не мог дать великий князь, это точно: если бы Зохар Рокка хотел меня загубить, то незачем было вообще сюда высылать. Но я ведь видела легкую зависть в ее глазах, когда она сравнивала положение жен и наложниц! Молодых благородных девиц в Окраине больше нет – иначе великий князь не стал бы вообще со мной возиться. Но если меня казнят, да тем более если я буду убита по приказу драк-шелле, то никаких вопросов к другим людям быть не может. Зато Зохар вполне может задуматься о том, чтобы все-таки выбрать невесту из простых. Кого же он выберет, если не исключительную красавицу Мариту? А после нескольких лет университетского образования ее невозможно будет отличить от княжны. И ведь она очень старается в учебе, это заметно. Зачем же она старается, если ей предстоит только ноги раздвигать, пока она старику не надоест? Почему так пыхтит и не сдается, выводя фигурную «А» уже в тысячный раз?

Разум кричал, что больше некого подозревать, но глупое сердце ныло тихонько – дескать, не она. Кто угодно, по какой угодно причине, но только не она. У меня пока не было другого выхода, кроме как промолчать, не выдать себя и наблюдать дальше. Разве что поменьше языком при ней трепать и не воспринимать как подругу. Я знала идеальный способ проверки ее вины, но предпочла пока его отложить.

Марита с большим трудом читала шепотом учебник, стараясь произносить слова правильно, а некоторые, самые длинные, повторяла по несколько раз. Но когда я села на пол для вечерней молитвы, она притихла: то ли решила отдохнуть, то ли меня слушала. И продолжила раздражающе шептать, лишь когда я улеглась спать и с головой залезла под одеяло.

По третицам у меня уроков не было, потому завтрак я проспала и явилась в столовую лишь на обед. К сожалению, Марита уже была там и помахала мне рукой, зовя к себе. И снова чесала про свои уроки, про низкие оценки и собственную несообразительность:

– Ну вот знаю я, как надо говорить, а рот открываю – и привычное льется! Шо с этим сделаешь вообще? – сокрушалась она уже в который раз.

– Нишо не сделаешь, – несколько раздраженно передразнила я.

Но Марита даже издевки не расслышала. Она бросила взгляд на вход и вдруг наклонилась ко мне, зашептав:

– Слушай, Айса, я думаю, это Лорина!

– Кто? – не поняла я.

Марита указала подбородком куда-то мне за спину и продолжила вещать с круглыми от страха глазами:

– Она ходит с нами в один класс. Не поворачивайся!

– И что Лорина сделала? – я уточнила, уставшая от ее компании и вынужденная притворяться приветливой.

– Украла перстень, – еще тише заверила Марита. – Я наверняка знать не могу, но услышала кое-что. Она из купеческих Первой Окраины, и еще раньше жаловалась, шо ее отец почти разорен. Плакала, мол, учебу придется бросить. А сегодня утром она про это подружкам говорила – ну, типа у отца дела совсем худо пошли, ему ростовщики уже долговой ямой грозят. Я тогда и подумала: вот кто мог бы колечко спереть! По глупости, конечно. Или по чистому сердцу – может, считала, продаст побрякушку и папку своего спасет? За родного папку ведь и жизнью рискнешь, а шо?

Я смотрела на нее такими же расширенными глазами, теперь вообще не понимая, что происходит. Если Марита – воровка, то она заодно и величайшая актриса выездных театров. Не придумав, как отреагировать, я вставила

идиотское:

– Не «шо», а «что», Марита.

– Да-да, забываю! – она кивнула с настоящей благодарностью, от которой мне совсем неловко стало. – Или не она? Но может быть точно такой же, как она. И я не знаю, что думать дальше, Айса! Ведь дура, преступница, идиотка последняя… но разве на такое пойдешь ради себя? Разве такое не совершишь только ради самого дорогого человека на белом свете, а?

Я не знала. Я даже не знала, что означает «самый дорогой человек на белом свете». Ради своей семьи я замуж за чудовище пойду, но на верную смерть бы не согласилась, скорее всего. И таких подозреваемых, как Лорина, могут быть сотни. Но только мало кто спрятал бы колечко именно в моей обувной коробке.

А Марита все не унималась:

– Поговаривают, что перстенек как замок стоит, прикидываешь? Это сколько же проблем можно уладить с такой кучей золота!

– Ни одной не уладишь, – охладила я ее пыл. – Даже если удастся его вынести из университета, то в ближайшие лет пять с такой вещью лучше не высовываться – скупщики тоже не дураки и с шелле связываться не станут. То есть надо ждать годы, потом ехать на другой конец империи – и то останется риск, что скупщик скорее тебя сдаст за объявленное вознаграждение.

– Серьезно? – девушка выпучила ярко-зеленые глаза. – Тогда это не Лорина… она ж из купеческих, должна разбираться в таком не хуже твоего. Вот ведь как, – она будто расстроилась. – А я с тех пор только и думаю, что бы могла сделать, имея гору золотых кратов. Сбежала бы отсюда, забрала бы родных, купила бы всем липовые бумаги, чтобы великий князь нас вовек не нашел… А потом думаю, что всех соседей и друзей не заберешь. Так, может, и хорошо, что у меня нет возможности? Но разве может быть такое, шо никакой возможности увернуться нет? Ведь если боги существуют – они должны подарить хотя бы шанс!

Она о шансе продажи перстня говорит, или я уже надумываю? На «шо» опять перешла, то есть заволновалась. Но сам предмет разговора был печальным – он касался и меня тоже:

– Не знаю, Марита, клянусь богиней, что не знаю, будет ли вообще какой-то шанс.

– Но это несправедливо! – она вдруг завопила громче, как будто держалась-держалась, а потом прорвало. – Посмотри на нас – кому мы такое зло успели сделать? Мамуся рыдала, сказать ничего не могла, а соседи смотрели так… я понимала, почему так смотрят. Ведь легче руки на себя наложить, чем… под старика с калечным разумом…

Если она сейчас еще и разрыдается, то я точно поверю в ее вину. Не женой Зохара она хочет стать: супругой лучше лишь в сравнении, но тоже ничего хорошего. Марита мечтает сбежать, найти любой способ, согласиться на любую судьбу – лишь бы она была не той, что ей уготована. И даже если она украла, да еще и мне подложила, в этот момент я не могла осудить ее порывы, только сказать хоть что-то в утешение:

– Возможно, Марита, в мире водятся чудовища хуже него.

– Возможно… – она отозвалась глухим эхом, выпрямилась, а взгляд сделался пустым. – Но я была там, Айса. Ничего не видела, почти все время просидела в одной комнате, но я слышала крики… И поверь, эти крики сведут с ума и тебя. Да, тебя не тронут. И меня, наверное, тоже, пока я остаюсь самой красивой девушкой Окраины… Но если ты думаешь, что сможешь не слышать эти крики, каким-то образом к ним привыкнуть – ты ошибаешься. Это место – огненный ад, в который боги отправляют негодяев лишь после смерти, такого не должно быть в мире живых. И точно не должно случаться с хорошими людьми.

Меня прошиб озноб. Я осознанно ее ни о чем не спрашивала, потому что не хотела знать. Но все равно ведь всегда знала.

– Если такая возможность есть, то я ее найду, – зачем-то пообещала я, хотя обращалась только к самой себе. – Можно сделать немыслимое, чтобы не попасть в лапы этого мерзкого ублюдка. Пусть сам горит в своем аду, наполовину сгнивший старик!

Мою тираду прервал веселый голос со стороны:

– О, не папашу ли моего обсуждаете? По описанию узнал. И чего так вылупились? Думаете, что побегу писать домой письмо, как тут про него отзываются? Вы реально считаете, что этим можно кого-то удивить?

Мы и впрямь испугались до такой степени, что схватили друг друга за руки. Перед нами стоял молодой человек. Иссиня-черные волосы только подчеркивали мертвенную бледность кожи, слишком длинный и немного крючковатый нос – гармонирующий, однако, с остальными чертами лица, а возле глаз кроваво-красный дымок, перемещающийся скачками в воздухе от каждого движения. Чистокровного демона сложно перепутать с кем-то еще.

– Да-да, я Аштар, – парень упал на свободный стул возле столика. – Давно хотел на вас глянуть, да все времени не находил.

Мы молчали, будто языки проглотили. Аштара мы опасались почти по инерции. Он – сын великого князя и даже не наследник, высокого титула шелле не имеет, потому в Объединенном университете Центрины не считается элитой. Но для нас обеих его могущество не подлежит сомнению – да хотя бы в том, что Аштар может передать своему отцу каждое наше слово, и неизвестно, как тот отреагирует. Демон же разглядывал нас с азартом:

– Ты княжна Айса, правильно? – он сразу угадал, глядя на меня. – Надо же, а ты не так уродлива, как тебя описывали. Я уж было решил, что ты горбатый черт… Стоп, подожди! – он вскинул палец, как будто я вообще собиралась его перебивать. – Это ведь в тебя папаша вдохнул демоническую силу? Тогда я вижу уже ее эффект? Такая магия пробуждает красоту не сразу, несколько месяцев будет в тебе тлеть и вытаскивать краски, так что ко дню свадьбы ты вполне можешь сделаться вполне привлекательной.

Если он хотел меня подобным порадовать, то здорово ошибся. Я продолжала пялиться на него молча. Тогда Аштар начал рассматривать Мариту:

– О, а про тебя молва ничуть не преувеличила. Я даже в Сердцевине таких девиц не видал, а я там только по красоткам и слонялся… – Он, похоже, говорил очень честно. И тоже неутешительно: – Берегись, Марита, к такой девушке внимание неизбежно. А мой отец здесь не столь значимая персона, если думаешь, что сможешь прикрываться его именем. Так что или отбивайся до последнего, или влюбляй в себя такого, против кого даже мой папаша вякнуть не сможет. Иначе

всех слез не хватит, чтобы смыть твою оплошность.

Марита тоже смотрела на него широко распахнутыми глазами и даже не моргала. Советы Аштара звучали глупо и не по адресу. Она лучше него понимала свое положение, не зря ведь даже на случайные приветствия в коридоре не отвечала. Я подумала, что ее из этого заторможенного состояния надо вырвать.

– Марита! Мы ведь на урок опаздываем! – позвала я и потянула ее за руку к выходу.

Полагаю, мы не обязаны прощаться с Аштаром или выказывать ему какую-то вежливость? Или обязаны? Потом вместе разберемся, хотя мы с ней больше и не заодно.

Но Марита после двух поворотов затормозила, останавливая и меня. Посмотрела прямо и поинтересовалась:

– Ты ведь тоже об этом подумала, Айса? – Оценила мое непонимание и озвучила идею: – Аштар, наверное, может забрать одну из нас или обеих, если понравимся… Вряд ли его отец будет слишком против, ведь сын же! А этот хотя бы молод и довольно хорош собой! Ну, в сравнении…

Нет, об этом я точно не подумала:

– Марита, ты действительно хочешь заменить одно чудовище на другое? Или ты придумала себе, что раз он выглядит лучше, то перестал от этого быть демоном и сыном демона? Они все жестоки, Марита, чужие страдания для них – как для нас хлеб! О, не сомневайся в себе – если захочешь, то Аштар с тобой развлечется. Но никто не гарантирует, что потом он не вышвырнет тебя на расправу собственному же отцу!

– Ты права, знаю, – она поникла. – Это не та возможность, которая нас спасет.

Она зациклена на поиске надежды. И я тоже должна быть сосредоточена на этом. Но на примере Мариты видела, что бездумная надежда скорее уничтожит, чем спасет.

Вечером в библиотеке я слышала разговоры. Перстень так и не нашли, из Сердцевины на днях приедут еще несколько шелле – сильных магов, которые помогут с поисками, как звучало в слухах. Территорию уже всю осмотрели, потому в скором времени повторят обыски спален, и на этот раз ощупают каждую пылинку без спешки. Слухи могут оказаться только слухами – студенты нашли самую интересную тему для болтовни и ее неустанно мусолят, придумывая даже небылицы. Ничему нельзя верить. Но мне-то что делать? Подкинуть кольцо теперь кому-то еще? Но кого же я ненавижу до такой степени? Мариту? Сделать с ней то же, что сделала она? Но она попросту не возьмет перстень в руки, она совсем не дура. Может, Аштара? Ненависти к сыну великого князя хоть и нет – я вообще мало что о нем знаю – но если сравнивать с остальными незнакомцами, то их жаль сильнее.

Вечером, когда я приняла позу для молитвы, Марита отложила учебник и сползла на пол.

– Ты чего? – спросила я, поскольку еще не успела начать.

– Ничего, – она закусила пухлую нижнюю губу. – Научишь и меня своим песнопениям?

Я удивилась ее желанию:

– Неужто у вас в деревне так не молятся?

– Молятся те, кому нужна помощь богов. И раньше я не знала, что она мне очень нужна. Вся моя жизнь была песней, Айса, а теперь мне понадобится только смирение. И еще, давай пообещаем друг другу, что когда-нибудь, когда одной из нас не хватит смирения, вторая возьмет ее за руку и помолится за обеих. Тебе ведь тоже кажется, что такая необходимость когда-нибудь случится?

Я резко отвернулась, поскольку ее отчаянье было заразным. А я не могла пожалеть врага. И не могла не пожалеть.

Проверка! Жестокая, безаппеляционная, но нужная точка! Иначе я задохнусь, если так и не отвечу для себя: она или не она. Мне горло передавило, как будто изнутри камнем распирало:

– Хорошо, научу. Но пока не подашь мне мягкие тапочки? Я очень прошу, сегодня ноги новыми туфлями натерла.

– Конечно, – она с удивлением от слишком внезапной смены темы прямо на четвереньках поползла к шкафу. – Которые? О боги, не устану удивляться, сколько у тебя обуви!

– Красная коробка, – почти совсем неслышно выдавила я.

Марита легко вытащила коробку снизу – сразу ухватила правильную. Вместе с ней поднялась на ноги, открыла крышку, нахмурилась – дескать, нет здесь ничего. А потом склонила голову и вынула перстень. Пялилась на него несколько секунд, а потом страшно закричала, бросая кольцо на пол и встряхивая рукой, будто пыталась смахнуть следы от него с пальцев.

– Ты… ты умом съехала?! – ей не хватало воздуха, но она все пыталась его проглотить побольше. – Ты… О боги, что ты натворила?! У нас обеих нет разрешения на выход из университета, мы никуда его не спрячем! Боги! – она кричала так, что уже в соседней комнате студентки могли насторожиться.

– Тихо, Марита, тихо! – я тоже подскочила, готовая зажать ей рот ладонью. – Успокойся!

– Я… я потрогала его! Теперь я ни за что не оправдаюсь! – она уставилась на меня, словно мы поменялись ролями: сейчас я стала ее палачом. Слезы потекли по ее высоким скулам, но, не замечая их, она прошептала: – За что, Айса? За что ты со мной это сделала?

А мне вдруг стало так легко, что я почти рассмеялась. Как если бы душа, корчившаяся от боли, снова развернулась – от одного конца комнаты к другому. Я очень боялась смерти и не хотела отвечать за чужое преступление. Но сейчас почувствовала, что еще сильнее я боялась совсем другого: что Марита перстень в руки не возьмет, что каким-то образом разыграет недоумение, лишь бы его не брать. И стало предельно понятно, что делать дальше. Удивительно, что до этой секунды я ощущала себя в яме без возможности выбраться, а сейчас запросто разглядела выход. Просто я стеклянная, от любого неловкого движения разобьюсь, но мне раньше не было нужды защищать единственного дорогого человека на белом свете, потому я и смелости такой прежде не испытывала.

– Я не крала, Марита. Кто-то подкинул его мне. И я даже не знаю, кого подозревать. Но ты не пострадаешь, не волнуйся. Я так сильно боялась за себя, а теперь я уже боюсь за тебя. Потому просто пойду и все исправлю. Объясню честно, как было.

– Да тебе никто не поверит! – она снова завизжала.

– Скорее всего, – я подняла кольцо и повернулась к двери. – Но ты точно не будешь за это отвечать. Садись на пол и молись богине, Марита, пока я не вернусь. Молись, как умеешь, слова в песне подбирай душой. А если не вернусь, то завтра садись на то же место и молись уже за себя одну, ведь мне больше старый демон не будет страшен.

Она порывалась пойти со мной, но я остановила. Сопровождение в таком деле уж точно будет лишним.

* * *

Пришлось спросить дорогу у нескольких служанок – мне показали на другое здание. Шелле жили не в общем корпусе, но в таком же огромном доме в несколько этажей – каждому по этажу, наверное. Внутри и убранство было принципиально иным: красные шерстяные ковры, золотые канделябры с магическими светильниками. И отчего-то в коридорах множество слуг и охраны, как будто здесь требуется намного больше рук, чем в общем корпусе. Интересно, шелле на занятия сами приходят, или их на носилках рабы приносят, чтобы царственные ноги не коснулись простой земли?

Разумеется, меня остановили.

– Я к драк-шелле Ео, – повторила я уже в пятый раз. – С важным сообщением.

Перед последней дверью служка осмотрел меня, выслушал, пожал плечами и открыл высоченную дверь. Я из проема слышала его голос:

– Милорд, к вам княжна Айса Имельская. С каким-то важным сообщением. Прикажете принять?

Ответа я не уловила, но старик вынырнул обратно в коридор и махнул рукой, приглашая войти. Ноги меня почти не держали, но я вынуждала себя делать шаг за шагом по роскошным покоям, равных которым даже в замке отца не видела. За окнами давно стемнело, и в центре гостиной пылал камин, привлекая взгляд ярким пятном, но не освещая все огромное помещение. Перед камином в креслах сидели два молодых человека – издали ничем не отличающиеся от любых других студентов, разве что как будто на несколько лет постарше. И на высоком столике перед ними были выставлены разноцветные фигурки игры в мац-хе. Если бы у меня были на то силы – я бы улыбнулась. В мац-хе меня когда-то научил играть старший брат, но я не была в этом хороша. Чаще всего играла сама с собой в своей комнате. Но такое знакомое, такое привычное занятие будто было символом, что не так уж глобально расстояние между нами, раз хоть что-то общее у нас имеется.

Молодые люди не отвлекались от созерцания доски.

– Чем обязан, княжна?

Я даже не поняла, кто из двоих это сказал. Вытянулась вверх и все силы приложила к тому, чтобы заметно не трястись. Не зная, к кому из двоих обращаться, я впечатала взгляд в того, кто глянул на меня с улыбкой. Да почему же страх так сильно дурманит мозг? Я даже не придумала, с чего начать!

– Ваша светлость, – неуверенно проблеяла я. Если он – шелле, то должен быть с большой вероятностью герцогом, но обращение я выбрала наугад.

– Нет-нет, не я! – засмеялся темноволосый парень с желтыми искрами в глазах и указал на другого. – Вон тот индюк – Элвин Двенадцатый Криштан Ео. Похоже, тебе нужен он, раз ты не в мою спальню прискакала. Я Сао, а не Ео, если в твоих ушах найдется отличие. Милорд Элвин, ну ты хоть ради дамы бы отвлекся!

Он будто подсказал мне обращение. Или просто пошутил, вообще не обратив внимания на мое замешательство. Я сглотнула и перевела взгляд на второго. Он тоже темноволос, но пряди скорее каштановые – чуть красноватые от отблесков пламени. И желтизны в его глазах больше, чем у первого. Он глянул вверх, и освещение в зале усилилось драконьей магией, от яркости ударило в глаза. Зато через пару секунд я видела намного лучше, но было не до рассматривания обстановки. Да, глаза точно у обоих желтые – как у большинства драконов, у

весельчака совсем светлые, с искрами, а у Ео – почти оранжевые. И если бы еще оставались какие-то сомнения в их расе, то вертикальные зрачки их уничтожили бы. У меня дыхание перехватило, я никогда в жизни не думала встретить вживую настоящего дракона, да еще и сидящего в четырех шагах от меня и играющего в мац-хе, как какой-нибудь провинциальный князек.

– Мы так и будем молчать, княжна? – напомнил он о том, что я нахожусь не во сне. – Ты пришла только затем, чтобы на меня пялиться?

Я вытянула дрожащую ладонь и с трудом разжала пальцы, показывая находку:

– Я принесла это, – и поспешила добавить, пока дыхания хватало: – И я его не крала.

– О, это же твое кольцо! – заинтересовался первый дракон, который представился фамилией Сао. – Надо скорее сообщить директору, пусть уже выдохнет. А то весь университет на уши поднял, так хотел выслужиться!

Элвин же встал и подошел ко мне, не отрывая взгляда от перстня. Молодой человек оказался выше меня почти на голову, и мне было страшно посмотреть в его лицо с такой короткой дистанции. Потому смотрела туда же – на свои трясущиеся пальцы. И заставляла себя говорить, поскольку он почему-то не спешил забирать свое.

– Я не брала его, милорд. Нашла в своих вещах. Причем в таком месте, в которое заглянула совершенно случайно. Думаю, кто-то подложил его мне и надеялся, что я не наткнусь на кольцо, а его найдут потом, во время очередного обыска комнат.

– Говоришь, что тебя подставили? – он поднял глаза на мое лицо, и мне тоже пришлось посмотреть прямо. Вертикальные зрачки от яркого света стали еще уже – тонкая полоска на старом золоте, один в один с цветом камня на перстне. – Кто же?

– Не имею представления, милорд. Я думала, у меня здесь нет врагов, но это… вряд ли это какая-то случайность! Ведь если бы его нашла охрана, тогда меня и слушать бы не стали.

Его мой ответ совсем не устроил:

– И кто же оказался настолько смел, чтобы подписать тебе приговор через мое настроение? Как думаешь, княжна?

– Не знаю! – воскликнула я, еще сильнее нервничая. – Но я невеста великого князя Седьмой Окраины. Может, кто-то хотел отомстить ему, а не мне?

Другой дракон от души расхохотался:

– Гниющий пень Рокка все еще жив?! Да еще и опять женится? Интересно, сначала мир развалится или все-таки этот бессмертный старик сдохнет?

– Помолчи, пожалуйста, Майер. Мне это действительно интересно, – прервал приятеля Элвин. – Княжна, здесь вроде бы учится его сын. Не мог он такую шутку устроить? Это же демоны – их веселые игры не разберешь.

– Не знаю, милорд, – повторила неуверенно.

Я бы тоже на Аштара подумала, потому что буквально все остальные вообще меня не знают. Но никак не могла придумать мотив. Я сына жениха даже не раздражаю – это по сегодняшнему разговору в столовой было понятно. Ему вообще на меня плевать. Но это же демоны – вон даже дракон не понимает, на какую жестокость они способны ради забавы.

Элвин наконец-то взял кольцо, но наклонился немного ко мне и будто принюхался. Я боялась даже вдох сделать, застыла белым истуканом. Затем он поднес перстень к носу и еще раз втянул воздух.

– Пахнет тобой и кем-то еще.

Я со страхом вспомнила:

– Моя соседка… Она… Понимаете, я ей рассказала о находке! Она тоже его трогала!

Элвин расслабился и будто вовсе потерял ко мне интерес. Отошел, безразлично бросил перстень на полку над камином.

– Хорошо, княжна, ты можешь идти.

– И все?! – выкрикнул его друг тот вопрос, который назрел и у меня.

– И все, Майер, – ответил ему Элвин. – Посмотри на нее – она трясется как в лихорадке. От нее пахнет страхом и немного отчаяньем. Она в этом лесу разномастных охотников заяц. Можешь представить, что она вот прямо залезла в мои покои и стащила дедово кольцо? А потом нацепила на лицо зеленую бледность и явилась сюда трястись? На кой же черт ей это сдалось? В мои прекрасные глаза посмотреть, чтобы их всю свою семейную жизнь потом представлять?

– А может, она украла, поняла, что не сможет его спрятать, и решила сдаться?

– Может. Если ты действительно в это веришь.

Я снова затряслась от ужаса, но Майер почему-то посмотрел на меня и кивнул:

– Нет, не верю. Хотя хватило же ей смелости явиться сюда, – тот пожал плечами.

– Возможно, эта смелость отчаяньем и горчит. Слишком многого она ей стоила. Иди, княжна, я не сомневаюсь в твоих словах. Хотя постой-ка! – Он окликнул, однако я еще и развернуться на ватных ногах не успела. – Мы пока не будем сообщать директору. Если тебя действительно кто-то хотел подставить, то рано или поздно он рядом с тобой нарисуется – проверить, почему тебя до сих пор не поймали и не казнили. В том случае не забудь сообщить мне, идет?

– Идет, милорд, – я от облегчения теперь и улыбнуться смогла.

– Эх, опять скучать, – расстроился Майер. – Может, хоть на соседку ее посмотрим? Вдруг та и окажется злодейкой? Сил нет, как хочется еще немного в злодейках покопаться!

– Да прекрати ты уже, – отмахнулся Элвин и занял свое кресло. – Давай лучше партию доиграем.

Я оставила их одних, тихонько прикрыв дверь. Да, я шла сюда с надеждой на легкое разрешение, на то, что мне поверят, но все прошло даже проще, чем в самой смелой мечте! А ведь это богиня мне помогла – она дала мне смирение принять обстоятельства как они есть, и если я честна перед собой, то мне незачем было выкручиваться! Выкручиваются только те, кому есть что скрывать! Я от радости побежала вприпрыжку, не обращая внимания на улыбающихся служанок. И это чувство вызвало другую эйфорию – как же мне понравились оба драк-шелле! Они оказались такими по-человечески простыми, такими обыкновенными, совсем немного высокомерными и заметно шутливыми, как если бы назывались тоже людьми. Как если бы над их головами не светились незримые, но очевидные драконьи короны. А особенно пришлась по душе вырвавшаяся ругань о Зохаре, хотя они вряд ли лично знают великого князя Седьмой Окраины. О боги… я же забыла присесть в реверансе, так перепугалась!

Марита накинулась на меня, а потом целый час щупала, как будто проверяла, целиком ли я вернулась, и ревела мне в шею, пачкая соплями воротник. Как я вообще могла подумать на нее? И пусть она об этом так и не догадалась, но виниться я мысленно не прекращу.

Глава 4

Жизнь уравновешивалась, к университетским порядкам привыкать было несложно, а вор никак не обозначал свой интерес к моей персоне. Через пару дней я начала думать, что подставлять именно меня никто не собирался. Скорее всего, преступник понял, что продать или вынести кольцо не сможет, и просто решил избавиться от него, подкинув в первую попавшуюся комнату – наша с Маритой как раз была крайней в крыле. Дверной замок мог не стать препятствием, если тот человек владеет искусством взлома или магией. Это и было самое логичное объяснение произошедшему. Я, конечно, продолжала мысленно называть его ублюдком, но уже давно успокоилась на его счет.

На уроках у меня вообще все шло прекрасно, стоило лишь освоиться и привыкнуть к такому скоплению народа. Учителя не могли бы придраться к моим ответам, даже если бы захотели – я ответственно выполняла все задания, а база у меня и без того была выше уровня среднего ученика в классах истории или географии.

А на уроке магической кулинарии учительница меня удивила:

– Да у тебя отличные способности к магии, Айса! От отца или от матери унаследовала?

– Ни от кого, – уверенно ответила я.

Она снова посмотрела на мой котелок. Госпожа Ренкай сегодня нас учила уменьшать соленый вкус в блюде, если вышло пересолено. Мне простым заклинанием удалось сделать суп совсем пресным.

Учительница покачала головой и упорно продолжила:

– Не может быть, что ни от кого! Сила не возникает из пустоты. Заклинание подвластно любому, но такой эффект способен сделать лишь маг. Силы в тебе кроха, но факт наличия очевиден. Наверняка кто-то из твоих предков обладал даром, просто ты не знаешь, если он сам о нем знал – не тот уровень, чтобы обязательно заметили.

Я не могла с ней согласиться. Если бы мои предки были магами, хоть кто-нибудь из них, то они смогли бы защитить родную землю от мерзких демонов. Да и откуда силе взяться? У нас с одной стороны зверолюды, они вообще не маги, а с другой – демоны. Я похолодела от новой мысли: демоны могли изнасиловать простую женщину, особенно сразу после завоевания, но княгинь, конечно, не трогали, это было бы уже слишком. Или все же… Нет, быть не может! Слишком – даже для гнусного Зохара и его приспешников! Хотя постойте-ка… от смеси демона и человека чаще всего рождаются зверолюды – магически бездарные и уродливые существа, но с добрым человеческим сознанием. Я хоть и не писаная красавица, но точно не зверолюдка. Как и никто из моих предков, судя по портретам в родовом замке.

– При всем уважении, вы ошибаетесь, госпожа Ренкай! У нас в краях не живут колдуны или драконы!

Она отпрянула с улыбкой:

– Ты отчего так разволновалась, Айса? Я ведь просто говорю то, что вижу. О, а давай устроим проверку – может, тогда и вопить перестанешь? Сделай суп опять соленым!

Она подсказала заклинание, я три раза повторила, верно сложив пальцы над котелком, но проба показала, что не удалось. Учительница поразмыслила и сделала вывод:

– Сила твоя чистой демонической природы, Айса, если тебе это что-то подскажет. Хотя подобное редкость для существ, которые выглядят обычными людьми… – она тоже покосилась на меня, будто оценивала форму моего носа, достаточно ли он уродлив для зверолюдки. – Но похоже на то. Дело в том, что демонам проще всего удается колдовство на любое уменьшение или сокращение, остальное они осваивают не так запросто. Поэтому ты без труда уменьшаешь количество соли, но для увеличения требуется другая природа магии.

– Вы уверены? – я спросила уже спокойнее.

– Абсолютно. Глянь на Рошхару, – она указала на студентку в дальнем углу класса. – У нее как раз наоборот. С этим заданием ей справиться сложно, потому что у нее родители – колдуны. Человеческая магия проще действует в сторону любого увеличения. И, кстати говоря, Рошхара сильна, ей вполне можно выбирать более сложные магические дисциплины. Вряд ли ей суждено быть поварихой…

– А у драконов? – я немного заинтересовалась, возвращая ее к собственной персоне. Надо перебрать все варианты, раз уж получены такие новости.

– У драконов, понятное дело, сильны оба направления. Потому они и считаются самыми могущественными существами нашего мира! Но нет, твой перекос очевиден. Ладно, Чентана, у тебя что получилось?

Я осталась на своем месте размышлять. И постепенно добралась до возможной разгадки. Сила демоническая, но в предках у меня демонов не водилось! Не имело ли дыхание моего жениха такой результат – ведь он что-то там в меня вдохнул? А учительница сама сказала, что магии совсем немного. Что-то наподобие побочного эффекта? Жаль, что силы мало. Хотя меня и большая вряд ли спасет, в Зохаре-то ее все равно окажется больше.

* * *

Драк-шелле так и не сообщили, что перстень найден, мы с Маритой вообще об этом ртов не открывали. В итоге охрана еще раз провела тщательный обыск всех комнат, а из университета никого не выпускали. Во вторую седьмицу страдальцы-студенты, обычно уходившие на выходные в город, уже не знали, как выпустить пар. Компании таких лоботрясов мы и попались на глаза вечером, когда в саду я тренировала Мариту красивой походке и реверансам.

У нее получалось все лучше, а с ее бедрами любой шаг производит гипнотический эффект, даже если не слишком изящен. Но Марита не сдавалась и повторяла снова и снова, как всегда демонстрируя невероятное рвение к учебе.

– Вечерка, красавица! – позвал какой-то парень в стороне.

Марита заметно напряглась и по обыкновению сделала вид, что не расслышала. Но, похоже, парень был навеселе – не иссякли еще запасы дурманящей настойки, закупленной в Радожке до запретов на выход. И теперь он решил настоять на знакомстве, накрученный улюлюканьем своих приятелей, тоже подходящих ближе к нам.

– Неужели ты настолько зазнавшаяся, что даже ответить на вежливость не можешь? – в его голосе зазвучали нотки раздражения. – Переломишься, если поздороваешься? Тебя как зовут-то, рыжуля?

Нам лучше было уйти, что мы и собрались сделать, переглянувшись. Но оказалось, что спешный побег лишь спровоцировал молодых забияк на решительные действия. Говоривший подлетел к Марите и успел схватить ее за локоть, его приятели тут же подоспели и окружили ее, не позволяя пройти. Они

сами взвинчивали себя на непонятную злость – говорили о ее зазнайстве, о том, что могла бы быть немного повежливее с приличными людьми, однако сами же о приличиях быстро забыли. Ее силой потащили дальше в рощу, невзирая на сопротивление. Я не испугалась сразу – просто не могла поверить, что прямо здесь они способны устроить что-то немыслимое. Но Марита завизжала, когда они принялись нагло ее лапать и отвешивать сомнительные комплименты ее формам.

Я засуетилась, пытаясь сообразить, как ее выручить. Конечно же, не бросить, но вдвоем мы вряд ли справимся сразу с шестеркой разогревшихся кабанов. Я громко закричала, но они даже не обратили на меня внимания, тогда я схватила палку и бросилась к спине ближайшего, но притом продолжая голосить, чтобы привлечь подмогу:

– Охрана, охрана! Помогите! Сюда!

Треснула палкой, сама же испугалась сделанного, отскочила, но дрожащей рукой снова подняла оружие. Мои действия вызвали не крик боли, а взрыв хохота. Даже Марита справлялась лучше – она смогла отпихнуть от себя двоих, но третий со спины снова схватил ее за талию, притянул к себе и сжал клешней грудь.

– Ребят, а она снизу такая же хорошенькая, как сверху? – переорал всех один, готовый уже задрать ей подол пышного платья.

Я снова шагнула к ближайшему, но через секунду меня откинуло назад. И даже не было понятно, что конкретно произошло – какой-то черный вихрь, почти сносящий с ног. Меня он отшвырнул резко со своего пути, а молодых уродов раскидал по земле. И лишь когда одного вздернуло в воздух, я смогла рассмотреть, кто же так крепко держит его за горло.

Глаза Аштара горели красным – знак того, что демон в бешенстве. И в таком состоянии он способен покалечить намного больше народу, чем эта дурацкая компания.

– Как ты смеешь трогать то, что принадлежит моему отцу?!

– Прости, прости… милорд, – прохрипела его жертва. – Не знали, прости…

Аштар не был милордом, в Окраине его звали бы сударем. И вряд ли хоть кто-то из его противников вообще понял, о каком отце тот упомянул. Но демон есть демон – безразлично, что он там вообще говорит, если глаза уже затопило кровью.

Аштар с размаха бросил его на землю, бедняга со стоном попытался отползти. Остальным достались пинки и мощные удары, и уже через несколько секунд ни одного близко не осталось. Думаю, что они даже в лекарской не признаются, откуда у них взялись синяки и переломы.

Раскрасневшаяся и тяжело дышащая Марита от благодарности едва не бросилась демону на шею, благодаря:

– Спасибо, Аштар!

Но он остановил ее вскинутой рукой и злобным криком, от которого мне заново стало страшно:

– Что ты тут устраиваешь, дура?! Повезло, что Айса кричала достаточно громко! Неужели не понимаешь, что с таким лицом ты должна уметь за себя постоять? Или что, каждому позволишь себе под юбку заглядывать?! Чего же тогда визжала? Ложилась бы поудобнее и не мешала бы им развлекаться!

Марита захлопала длинными ресницами, отступила с обиженным видом. Я тоже сочла претензию странной. Она и так отбивалась как могла! Понятно, что она из крестьянских – бойкая и довольно сильная, но шести здоровенным одурманенным самцам ни одна женщина не смогла бы противостоять!

Я произнесла спокойнее, чтобы и его своим тоном немного привести в чувство:

– Я тоже благодарна тебе, Аштар, но ты несправедлив к Марите…

Он перебил чуть тише, чем недавно кричал:

– А ты, идиотская княжна, вокруг решила потанцевать и тростинкой их потыкать? Что ты собиралась ею сделать, кроме как погладить? Вокруг полно камней – в другой раз берешь и кроишь по очереди черепа, пока ублюдки

блевать собственными мозгами не начнут!

– Черепа?.. – я невольно от него отшатнулась, хотя краснота из демонских глаз уходила в струящийся по воздуху дымок.

– Конечно! – Аштар будто был уверен, что все люди на подобное способны. – Или ты просто глупая женщина, потому не способна понять, что Марита делает со зрячими мужчинами?

У меня дар речи пропал. Нет, красоту Мариты я видела, насколько умела. Но какие у нее вообще возможности? Совсем из комнаты не выходить? Я тоже немного разозлилась, но голосом это не выдала:

– Аштар, тогда это вина твоего отца. Ведь он ее видел и отправил сюда. Приставил бы к ней какого-нибудь охранника, раз он как раз способен понять остальных мужчин!

– Он и приставил! – демон раздраженно развел руками. – Меня! Как будто у меня здесь других забот нет. Ну ладно, допустим, я ваши визги с любой точки территории распознаю, но если бы выход был открыт, и я бы уехал в город, как всегда это делал? Или попросту крепко уснул бы? Свою голову тоже надо иметь, Айса. Зачем вы притащились в седьмицу, когда все пьют и гуляют, в такое отдаленное место? Зачем ты вырядила ее в свое платье, как будто она и без твоих шелков недостаточно хороша?

С последними обвинениями я была вынуждена согласиться. Мы про такое обе не подумали. Хотя Марита даже в потертом сарафане и застиранной рубахе не будет выглядеть дурнушкой, но он прав – шелка точно лишние, особенно во время прогулок, а не учебы. В ответ я просто кивнула – показала, что мы примем его слова к сведению.

Марита тоже окончательно успокоилась и шагнула к нему:

– Все равно спасибо, Аштар, что прилетел на выручку. Независимо от других забот взял и спас меня.

И он вдруг совсем легко улыбнулся, как если бы выпустил пар и теперь от ярости ни капли не осталось:

– Да не собирались они тебя насиловать, дурная. Так, пощупать и уязвить, а потом перед сном что-то побольше представить. Так что угомонись. Но в другой раз могут быть и другие обстоятельства. А мне твоя благодарность без надобности.

– Даже руку нельзя пожать? – она устало улыбнулась.

– Вот без этого точно обойдусь, – Аштар снова напрягся. – Я тебе охранник и спаситель, дуреха, но ты сама меня лучше не трогай – от меня-то никто не спасет. Идем, провожу вас до общежития, чтобы уже спокойно от вас избавиться.

Мы послушно поплелись рядом с ним. Мне теперь было даже немного забавно вспоминать, как обе перепугались. Но взгляд подруги на демона мне совсем не нравился – она по понятной причине сейчас к нему расположена, он силен и способен здесь стать настоящей опорой, даже его ругань звучала с заботой о ее же положении. Если даже я ему была бесконечно признательна, что не бросил нас обеих на произвол судьбы, то для девицы, которая вообще ни на кого не могла положиться, Аштар стал воплощением образа светлого героя. Но он не светлый и никогда светлым не станет. Это не та возможность, которую она так жаждет отыскать.

Я усиленно перетягивала его внимание на себя:

– Аштар, ты на самом деле меня натолкнул на мысль. У меня, в отличие от Мариты, расписание совсем не загружено, я утром в первицу побегу к директору и попрошу записать меня в класс по основам боевой защиты. Чтобы хотя бы в другой раз палкой могла треснуть как следует! Ах да, и кричать в случае беды буду не охрану, а тебя по имени – так буду надрываться, что ты даже из Радожки расслышишь!

– Хорошая идея, Айса, хоть чем-то полезным обернется этот вечерок, – пробурчал он недовольно.

– Слушай, мне учительница недавно сказала, что у меня есть капля демонской магии. Мог ли твой отец ее вдохнуть?

– Да, возможно, – он с любопытством глянул на мое лицо. – Что не пошло в тонкость талии и густоту волос, улетело в силу. Но слишком не радуйся – эта искра истлеет через некоторое время. Хватит ее, самое долгое, как раз на твою учебу.

– Эх, жаль, – деланно вздохнула я. – А то могла ведь стать непревзойденной поварихой!

Я это просто так ляпнула – шутки ради. Но Аштар от этой темы оттолкнулся и припомнил кое-что другое:

– Ты ведь знаешь, что одна из столовских поварих – уроженка твоего Имельского княжества? Она тут вроде с молодости пристроена.

– Нет, я не знала… То есть нас здесь четверо из одной Окраины, и двое вообще из имельских – это почему-то приятно!

Он безразлично пожал плечами:

– Я просто к слову вспомнил. Ты же и ее княжна тоже, а выросла, наверное, среди старых нянек. Так что если захочется поныть над своей судьбой на толстом животе – будешь знать, куда бежать.

Мне не нравились его насмешки, но сын моего жениха, наверное, мог разговаривать со мной как угодно. А я, невеста его отца, тоже так могу?

– Благодарю за совет. Но ведь и ты княжич – тоже у толстых нянек на животах в детстве ныл?

– Нет, Айса, я с ними делал совсем другое, – он улыбнулся многозначительно. – Демоны в этом смысле очень рано взрослеют.

Меня от представления перекосило. Какой же он все-таки неприятный тип.

Но Марита в комнате долго молчала, а потом начала весьма осторожно:

– Знаю, что ты скажешь, Айса, но ведь это ничего, если Аштар мне совсем немножечко нравится?

– Ничего, – соврала я. – Это нормально – перепутать благодарность с симпатией. Когда немного остынешь, когда поймешь, что далеко не все вокруг враги, тогда тебе и Аштара станет проще воспринимать. Я не знаю, кто тебя спасет от Зохара, но это точно будет не его сын.

Она вздохнула и засела за книги.

* * *

Назавтра после обеда мы решили посидеть в библиотеке, твердо намерившись последовать совету Аштара и избегать безлюдных мест. Некоторые книги выдавали в комнату, но некоторые, особенно древние издания, можно было смотреть лишь в читальном зале. Там мы и засели, поскольку у Мариты были серьезные проблемы с разбором старого написания некоторых букв. Умение воспроизводить такие же завитушки ей вряд ли пригодится, но при чтении она точно должна понимать разницу между похожими знаками. Потому подруга шепотом читала, а я только слушала и объясняла значение некоторых вышедших из обихода старых слов. А когда Марита отдыхала, мы болтали тихонько о своем, чтобы другим не мешать.

– Ну что, Айса, нашла ты свою землячку?

Я еще не успела ей поведать об утренней встрече с поварихой, рожденной в моем княжестве, и сейчас принялась за рассказ:

– Нашла. Сегодня в перерыве между уроками в столовую забежала, и там мне ее вызвали. Не соврал Аштар – Тайша действительно из имельских, а сюда на работу поступила уж лет двадцать назад. Она давно замужем, растит с добрым мужем деток, богов за мир и спокойствие благодарит. Но мы на бегу пообщались, она почему-то спешила по делам. Странная какая-то встреча.

– И верно, какое оскорбление! – засмеялась Марита бесшумно. – Ты хоть представляешь, сколько у поварихи дел?

– Представляю, – подумав, я согласилась. – Просто для меня она почти как родная, раз мы с ней по одной земле ходили. Но у Тайши такого же чувства не возникло. Она, конечно, поклонилась мне и сударыней назвала, но никакой душевности я за ней не заметила, на вопросы мои она отвечала быстро и суховато. Да ведь она и сама ко мне не прибежала, а местная работница точно должна была услышать, что ее княжна сюда на учебу приехала! Как думаешь, это и есть мой недостаток, что я в любом человеке родню пытаюсь рассмотреть?

– Другой у тебя недостаток, – с усмешкой успокоила подруга. – Ты совсем в жизни не разбираешься, только в этих своих науках. Ты кто для нее? Маленькая княжна из каменного замка? А она была простой девкой, которая жизнь в Седьмой Окраине вспоминать не хочет, раз оттуда вырвалась. Удивительно, и почему она сразу же не записалась в твои тетушки?

Я иронию оценила, но припомнила еще кусочек утреннего разговора:

– Не так уж плоха была ее жизнь на родине. Она из семьи свободных торговцев, не крестьянская, потому уехала в Центрину и решила попытать счастья здесь. Но про мать мою заговорила… – Я подумала и продолжила неуверенно: – Знаешь, она даже улыбнулась как-то теплее, иначе, чем мне, и говорит, что все еще вспоминает доброту прекрасной княгини. Тайша мою мать видела-то пару раз, но почему-то прониклась. Представляешь, как мне странно слышать о любви княгини Имельской к простым людям, хотя я, ее родное дитя, той любви на себе не испытала?

Марита пожала плечами:

– Ну, может, княгиня ей или ее семье чем-то помогла. Ведь ты сама описывала, что твои родители справедливы к своим людям, так почему тебя уважение бедноты к ним удивляет? Или ты теперь до конца своих дней будешь мечтать об одобрении своей холодной мамаши? Вон, даже к столовской кухарке взревновала! Забудь уже, Айса, не было той любви и не будет. У тебя впереди лишь мрак и боль в счастливом замужестве. А если выкрутишься, то лучше другому человеку свою преданность подари – не матери, которой ты не нужна.

Что-то про то же, но другими словами, пыталась объяснить мне и старая нянька. Как будто человеку непременно нужно кого-то любить, о ком-то заботиться и тем скрасить даже самые серые дни. Но я поинтересовалась:

– Кому же?

Подруга тут же нашлась:

– Мне, например! А как иначе? Я-то, может, и не Имельская княжна, зато родителями очень любимая. Я нелюбимой теперь быть не умею! Потому я тебе тоже нужна. Не меньше, чем ты мне.

И смеется так, лиса рыжая, как будто заполучила уже полностью мою дружескую любовь. Но я лишь кивнула и прибавила в тон материнской холодности:

– Пиши дальше, Марита! А то так и не научишься идеальному письму. Я-то как раз Имельская княжна, потому прослежу, чтобы моя дорогая подруга сделалась безупречной во всем!

* * *

Студентов вокруг было много – самые усердные предпочитают заниматься в библиотеке. Кто-то из них тихо разговаривал, а возле стены девчонки над чем-то посмеивались. Но я этого незначительного шума не замечала до того момента, как он одномоментно стих до абсолютной тишины. Но ощутив, встревоженно вытянула голову, не понимая сразу, что происходит.

– А вот и она! – я услышала знакомый голос сзади, хотя его не узнала.

Но обернувшись, поняла причину всеобщего молчания. Многие студенты из простых – и кому-то тоже выпала первая в жизни возможность увидеть собственными глазами драк-шелле. А те шли именно к нам и, похоже, именно обо мне весело воскликнул Майер. Он же подошел первым и рухнул на стул напротив, уставившись на Мариту.

– Ого-о-о, – протянул он. – Ничего себе какая! А это, случайно, не та самая соседка-злодейка? Привет, заячья княжна!

Марита, как и я, глядела на него во все глаза. И так разволновалась, что снова забыла про свое выскакивающее «шо»:

– Шо происходит, Айса? Почему я злодейка?

Майер от выговора не усмехнулся, но удивленно вскинул темные брови.

– Глянь только, Эл, какая девица! Видимо, не из благородных, но с такой длиной ресниц мне лично плевать, – он не сводил с нее восхищенных глаз: – Ну-ка улыбнись – и я паду к твоим ногам.

Марита не улыбнулась, а засуетилась, не зная, что в такой ситуации делать. Меня тоже выбила из колеи неожиданная встреча. Но Марита сообразила первой – все же бесконечные тренировки сказываются. Она вскочила на ноги, присела в книксене – получилось почти идеально, и произнесла с волнением:

– Добрый день, милорды.

– Садись ты, садись, – коснулся ее плеча Элвин и сам тоже занял стул рядом с другом. – И не шуми так, здесь все-таки библиотека.

Ну да, как будто книксен произвел намного больший фурор, чем их появление! Я тоже заволновалась, но почему-то рада была видеть обоих – мне наша первая встреча пришлась по душе, и от второй я ничего плохого не ждала. Особенно когда Майер так неприкрыто восхищался моей подругой – так же, как делал бы любой молодой человек:

– Хороша, а?

– Хороша, – намного спокойнее согласился с ним Элвин и почему-то глянул иронично на меня. – Так это и есть твоя соседка, княжна? Именно она трогала мою вещь?

– Да! – опомнилась я. – Позвольте представить, это Марита! Милорд, она действительно один раз взяла перстень в руки.

– Слушай, княжна, давай начнем обходиться без «милордов», – попросил он.

А как мне к нему обращаться? По имени? Вряд ли – он так бы и сказал. Или последовать его примеру: раз он зовет меня княжной, то я должна говорить «драк-шелле»? Звучит как-то глуповато. Вот только в ту секунду я поняла смысл вопроса учителя на первом уроке – как ко мне обращаться. Видимо, такая проблема встает в подобном заведении нередко. Вот преподаватели и застраховывают себя сразу, чтобы милорда «милордом», а сударя «сударем» называть, не рискуя ошибиться.

Он тем временем подался немного вперед и знакомо принюхался – повел носом от меня к Марите, прикрыл на мгновение глаза и выдал:

– Моей вещью от вас уже не пахнет, но странно, что отчаянье осталось. Кстати говоря, у вашего отчаянья одинаковый запах, это довольно забавно. Не объясните? Мне просто интересно.

Мы с Маритой переглянулись, разинув рты. И нам как раз расшифровка не была нужна – у нашего отчаянья, которое никогда до конца не отпускает, действительно одинаковая горечь. Оно пахнет старым демоном, о котором даже на секунду не забудешь. И я снова посмотрела в желтые глаза с вертикальными зрачками прямо, чтобы ответить почти с иронией:

– Ваш друг дал самое точное определение нашему отчаянью в прошлый раз, он назвал его «гниющим пнем».

Но моя шутка не нашла отклика в глазах Элвина:

– Нас это не касается. Но нужно поговорить и желательно в моих покоях. Если здесь есть сильные маги, то не хочу, чтобы они услышали наш разговор.

Драк-шелле встали и направились к выходу, не сомневаясь, что мы последуем за ними. Однако мы обе не вскочили сразу же, я вцепилась в локоть Мариты и быстро зашептала:

– А вот это настоящая возможность выкрутиться! Настоящая, без дураков! Если ты понравишься кому-то из шелле, то он спокойно выкупит тебя у Зохара! Или просто скажет: «Забираю» – и на том твоя проблема решена! Я не знаю точно, как это у них делается… Но послушай, Марита, только не сдайся ему, пока он это условие не выполнит, иначе можешь просто угробиться ни за что! Сначала попробуй его осторожно очаровать…

Но подруга мое воодушевление встретила скептически:

– Ага, я тебе могу дать тот же совет! Иди и очаровывай! Понимаю, ты княжна, тебе не по статусу кого-то ублажать или делаться постельной утехой, но любой из них красив, молод и в тысячу раз приятнее твоего жениха! Сама-то готова раздвинуть ноги ради свободы?

– Я? – меня вопрос обескуражил. – Даже не знаю… Будь у меня твоя красота, я бы точно об этом подумала. А так…

– Вот-вот, толкаешь меня на то, чего сама боишься, Айса! А ведь я тоже боюсь – вдруг спрошу, а он откажет, да еще и Зохару сообщит о моей распущенности? Если бы знать наверняка, что не обидит, что выкупит, что когда надоем, отпустит, а не прибьет, как делает наш великий князь… Я бы тогда хоть обоих ублажала и еще благодарила бы за подарок судьбы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/steklyannaya-knyazhna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити